

А.

501-13

У 297  
126

НЕ КОПИРОВАТЬ

2170

# ГОРНЫЙ ВЪНЕЦЪ

ПОЭМА ВЪ СТИХАХЪ

**ПЕТРА ПЕТРОВИЧА НЪГОША.**

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКАГО

ЛУКЪЯНОВСКАГО.



ПЕРЕВОДЪ ПОСВЯЩАЕТСЯ СЪ СОИЗВОЛЕНІЯ

ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

**НИКОЛАЮ**

**КНЯЗЮ ЧЕРНОГОРСКОМУ.**



**МОСКВА.**

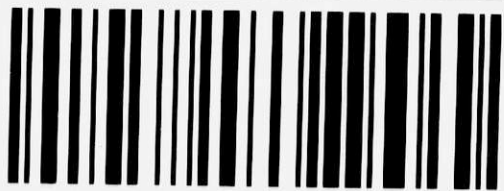
Типографія Л. Метцль, Бол. Дмитровка, Богословскій  
переулокъ, домъ Пустошкина.  
1887.

2

ПОСВЯЩАЕТСЯ  
ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ,  
**НИКОЛАЮ,**  
КНЯЗЮ ЧЕРНОГОРСКОМУ.



4726-45



2011123853

Дозволено цензурою. Москва. 6 марта 1887 г.



## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поэма «Горный Вѣнецъ» (Горски Виѣнац.) написана Черногорскимъ Владыкой, Петромъ Петровичемъ Нѣгошемъ (1830—1851). По отзыву А. Н. Пыпина, сочиненіе это есть «прекрасная національная поэма, описывающая въ драматической формѣ изгнаніе Турокъ изъ Черногоріи; она исполнена народныхъ сценъ, и проникнута черногорскимъ чувствомъ національной свободы». (Исторія славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича).

Во второй половинѣ XVII вѣка Турки, подъ предводительствомъ Сулеймана-паша Скутарскаго, покорили почти всю Черногорію, и даже сожгли Цетинье. Господство Турокъ поддерживалось особенно сочувствіемъ потурчанниковъ, Черногорцевъ, принявшихъ магометанство.

Совершенно подавляемый Турками народъ избралъ государемъ Владыку Данила (1700—1735). Даниль убѣдилъ народныхъ главарей истребить потурчанниковъ, всѣхъ до одного, кромѣ тѣхъ, которые согласятся сдѣлаться опять христіанами. Это и было исполнено въ назначенную ночь—въ ночь подъ Рождество Христово 1702 г. \*)—по всей Черногоріи; такъ что съ этого времени не осталось тамъ ни одного потурчанника. Вотъ это-то кровавое событіе, спасшее однако навсегда Черногорію отъ Турокъ, и служитъ предметомъ разсказа поэмы «Горный Вѣнецъ». Представляется вопросъ: какія ударенія ставить, при переводѣ, — въ собственныхъ именахъ, — русскія или сербскія? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ логическій отвѣтъ:

\* На такой рѣшительный шагъ подвинуло Владыку слѣдующее обстоятельство: Сулейманъ-паша Скутарскій взялъ обманомъ Данила въ плѣнъ, и всевозможными мученіями хотѣлъ заставить его принять магометанство; не смотря на всѣ истязанія, Владыка устоялъ; тогда Черногорцы предложили выкупъ—двѣ тысячи червонцевъ собрали сами, а тысячу заняли у Герцеговинскаго митрополита, и выкупили любимаго Владыку. (см. Черногорія подъ правленіемъ Владыкъ. Д. Бакича. Журн. Мин. Народн. Просвѣщен. Августъ. 1878).

пишущій порусски долженъ ставить русскія ударенія; напр. сербское прозвище: «Павловичъ» по сербски читается «Павловичъ», по русски-же слово «Павловичъ» означаетъ отечество (напр. Иванъ Павловичъ); означая-же прозвище, слово это по русски читается: «Павловичъ»; точно также сербскія прозвища: «Юговичъ», «Бранковичъ» и т. д. порусски читаются: «Юговичъ», «Бранковичъ» и т. д.; точно также напр. сербское собственное: «Острогъ» порусски въ косвенныхъ падежахъ не сохраняетъ ударенія на первомъ слогѣ.

Есть, впрочемъ, сербскія слова, сохраняющія свое удареніе и въ русскомъ языкѣ, напр: «Ловченъ», «Дуга» и т. д.; и вообще переводчикъ старался сохранять сербскія ударенія вездѣ, гдѣ это не противорѣчило духу русскаго языка, напр. въ собственныхъ: «Балеть», «Чекличи», «Млѣтакъ» и т. д.

*Переводчикъ.*



## **Л и ц а:**

Владыка Даниилъ.  
Игуменъ Стефанъ.  
Сердарь Янко Джурашковичъ.  
Сердарь Радоня.  
Сердарь Вукота.  
Сердарь Иванъ Петровичъ.  
Князь Раде, братъ владыки.  
Князь Байко.  
Князь Роганъ.  
Князь Янко.  
Князь Николай.  
Воевода Драшко.  
Воевода Милія.  
Воевода Станко.  
Воевода Батричь.  
Томашъ Мартиновичъ.  
Обрадъ.  
Вукъ Раслапчевичъ.  
Вукота Мервалевичъ.  
Вукъ Томановичъ.  
Богданъ Джурашковичъ.  
Вукъ Мичуновичъ.  
Вукъ Мандушичъ.  
Вукъ Лѣшевыстунаць.  
Попъ Михаилъ.  
Сестра Батрича.  
Хаджи-Али-Медовичъ, кадія.

Скендеръ-Ага.  
Мустай—кадія.  
Арсланъ-Ага-Мухадиновичъ.  
Фератъ Зачиръ, кавазъ баша.  
Риджалъ Османъ.  
Старуха.  
Мальчики.  
Турки.  
Черногорцы.

Скупщина 1) на горѣ Лѡвченѣ, наканунѣ  
Троицына дня. Ночь. Всѣ снятъ; не спитъ  
только Владыка Даниль.

Владыка Даниль 1).

О Господи, что вижу я!...  
Въ вѣнцѣ и въ царской багряницѣ,  
Всему живущему грозя,  
Идетъ коранъ съ мечемъ въ десницѣ!  
За нимъ, съѣдая и топча  
Все по пути, какъ саранча,  
Турецкое несется племя!  
О тяжкое, о злое время!...  
Какая скорбь!... какое горе!...  
Разбушевавшись, словно море,  
Арабъ 3) поработилъ весь свѣтъ ...  
Его неистовство пресѣчь  
Французскій развѣ можетъ мечъ 4)  
Иной ему преграды нѣтъ!  
Злой рокъ воздвигъ тебя, Османъ, 5)  
Для истребленья христіанъ!  
Задумавши въ недобрый часъ,  
Поганыхъ рать призывалъ на насъ

1) Скупщина—собраніе, сеймъ.

2) Митрополитъ Даниль, государь Черногоріи (1700—1735).

3) Магометане начали свои завоеванія изъ Аравіи.

4) Время, о которомъ говорится, было временемъ могущества Французовъ въ Европѣ, во времена Людовика XIV.

5) Османъ I—калифъ, основатель могущества Турокъ.



Изъ Азіи Палеологъ <sup>6)</sup>  
Сгубилъ и собственное царство!...  
Да, проклялъ правосудный Богъ  
Его безумное коварство!  
Не долго ликовалъ Царьградъ,  
Что Сербовъ разгромилъ Мурадъ: <sup>7)</sup>  
Нагрязнулъ лютый Магометъ <sup>8)</sup>—  
И Греціи спасенья нѣтъ!  
Бранковичи <sup>9)</sup> не разъ хотѣли  
Отчизну бѣдную спасти...  
Не далъ Господь достигнуть цѣли—  
Должны мы рабство вѣкъ нести!  
И храбрый Янь, <sup>10)</sup> и Скандербегъ, <sup>11)</sup>

6) Византійскій Императоръ Іоаннъ Кантакузень, поссорившись съ царемъ сербскимъ, Стефаномъ Душаномъ, призвалъ Турокъ изъ Азіи противъ Сербовъ; но Турки впослѣдствіи покорили и самую Византію

7) 15-го Іюня 1389 г. султанъ Мурадъ разбилъ сербскаго царя Лазаря на Коссовѣмъ полѣ; съ этого дня Сербіи не стало.

8) Султанъ Магометъ II взялъ Константинополь въ 1453 г. и сдѣлалъ его столицей своей имперіи.

9) Георгій Бранковичъ—князь сербскій, жившій въ половинѣ XV в. въ союзѣ съ Венграми и Поляками, воевалъ противъ Турокъ, и успѣлъ, на короткое время, сдѣлаться независимымъ.

10) Янь Гуніадъ—правитель Венгріи, въ малолѣтство короля Владислава V, жившій въ половинѣ XV вѣка; воевалъ удачно съ Турками.

11) Георгій Кастріотъ, прозванный Скан-

Пытались, и не могли  
Отбросить хищниковъ набѣгъ,  
Сломить свирѣпый бичъ земли  
А я?... бессильный, одинокій....  
Что я могу?... Въ какой глубокой  
Народъ нашъ погрузился сонъ!...  
Ничтоженъ Сербъ, и бѣденъ онъ!  
Лишь я не сплю, и сонъ бѣжитъ  
Меня не даромъ—я кругомъ  
Стѣсненъ безжалостнымъ врагомъ;  
Меня онъ зорко сторожитъ.  
Но я одинъ!... о Сербство, Сербство!...  
О Господи!... Какое средство  
Найти мнѣ, чтобъ народъ поднять?...  
Что сдѣлать мнѣ?... что предпринять?  
Нѣтъ — нѣтъ!... мы позабыты Не-  
бомъ!...

Взываю къ Богу день и ночь....  
Давно ужъ стали слезы хлѣбомъ,  
И больше мнѣ терпѣть не въ мочь!  
О лютое исчадье ада!...  
Ты—язва моровая!... рада  
Была-бъ ты насъ совсѣмъ пожрать!  
Отъ края моря до Дуная  
Успѣла ты въ полонъ забрать  
Всю Сербію!... и, проклиная  
Тебя, судьбу и свой позеръ,

дербегъ, владѣтель Эпирскій, жившій въ половинѣ XV вѣка, въ союзѣ съ Сербами воевалъ противъ Турокъ, и освободилъ на короткое время Эпиръ отъ ихъ владычества.



Молящій обращаетъ взоръ,  
Лишь къ Небу бѣдный Сербъ, стеная!  
Нѣтъ на землѣ ему защиты,  
Тѣснишь его со всѣхъ сторонъ;  
Ты, кровью сербскою облитый,  
На трунахъ основалъ твой тронъ!  
И видимъ мы въ тоскѣ и страхѣ,  
Какъ пришлецомъ далекихъ странъ  
Повергнута Святыня въ прахѣ,  
И надъ Крестомъ царить коранъ!  
Проклятье нашей горькой долѣ!...  
Погибло на Косовомъ полѣ  
Все наше счастье!... лишь обломки,  
Спаслись средь этихъ дикихъ скалъ,  
И въ нихъ навѣки укрѣпились!...  
Не разъ ужъ лютый врагъ искалъ  
Насъ извести, и обагрились  
Родныя горы нашей кровью;  
Зато —какой святой Любовью  
Мы къ нимъ горимъ!... вѣдь, не сми-  
рились,  
Въ несчастные для Сербовъ дни,  
Мы предъ тобой, злодѣй, одни. <sup>12)</sup>  
Донынѣ, съ памятныхъ тѣхъ поръ,  
Робѣешь нашихъ Черныхъ горъ!  
Донынѣ Богъ не попустилъ  
Погибнуть намъ; но наустилъ  
Злой духъ тебя намъ на мученье,

<sup>12)</sup> Черногорцы — тѣ-же Сербы. Послѣ битвы на Косовомъ полѣ Турки завоевали всю Сербію; только одни Черногорцы никогда не были покорены ими вполнѣ.

Твое проклятое ученье  
Средь насъ, какъ язву, заронить!...  
Съ тѣхъ поръ, какъ сталь ты насъ  
сквернить,  
Пошли усобицы, раздоры!...  
Не можешь силой покорить,  
Такъ захотѣлъ ты уморить  
Магометанствомъ наши горы!...:  
Не въ силахъ ты, злодѣй, стереть  
Святой нашъ Крестъ съ лица земли!  
Хоть мы давно изнемогли  
Въ борьбѣ съ тобой, но умереть  
Скорѣй я въ пыткахъ предпочту,  
Чѣмъ то, что больше жизни чту,  
На мосульманство промѣнять!...  
И какъ-же намъ его принять?...  
Тогда отъ ужаса вздрогнуть  
Въ могилахъ кости предковъ нашихъ;  
И насъ, завѣтъ отцовъ поправшихъ,  
Милошъ и Лазарь <sup>13)</sup> проклянуть!  
Родныя горы засмердѣли  
Нечистымъ духомъ мерзкой вѣры,  
И потурчанники <sup>14)</sup> безъ мѣры  
Всегда врагамъ въ дѣлахъ радѣли!  
Уже раздора пало сѣмя,

<sup>13)</sup> Лазарь—сербскій царь, погибшій на Косовомъ полѣ. Сербы почитаютъ его святымъ. Милошъ—зять царя Лазаря; любимый народный герой, также погибшій на Косовомъ полѣ.

<sup>14)</sup> Потурчанники— Черногорцы, принявшіе магометанство.

Само возставши на себя,  
 Переведется наше племя,  
 Свою отчизну раздробя!...  
 А я?... я обречень смотрѣть  
 На смерть его!... Нѣтъ, умереть  
 Хотѣлъ бы я, чтобъ не видать,  
 Какъ станетъ хищный врагъ гор-  
 диться!

О Боже!... лучше-бъ не родиться!...  
 Да, лучше смерть, чѣмъ такъ стра-  
 дать!...

Что жизнь среди такихъ невзгодъ!  
 Сама судьба насъ не взлюбила...  
 Ахъ, отчего прошедшій годъ  
 Шальная пуля не убила  
 Меня турецкая!...

Вукъ Мичуновичъ (*притворив-  
 шійся спящимъ, все слышитъ*).

Нѣтъ, нѣтъ!...

Постой, Владыка, ради Бога!  
 Живи и здравствуй до ста лѣтъ!  
 Не убивайся.... хоть убога,  
 Невелика отчизна наша,  
 И хоть полна скорбей та чаша,  
 Что ты безвинно въ жизни пьешь,  
 Но все-жь—за что себя клянешь?...  
 О Господи!... вѣдь, это грѣхъ!  
 И для чего собралъ насъ всѣхъ  
 Сюда на праздникъ, если самъ  
 О смерти стонешь къ Небесамъ!...  
 Оставь заботы, и взгляни

Повеселѣй на Божій міръ,  
 И не горюй хоть въ эти дни!  
 Смотри—сошлись, какъ на пиръ,  
 По слову твоему, юнаки; <sup>15)</sup>  
 Ты огорчишь ихъ, такъ скорбя;  
 А голову отдасть здѣсь всякій  
 За Крестъ, отчизну и тебя!  
 И какъ намъ милы эти святки!  
 Ты самъ, вѣдь, знаешь всѣ порядки:  
 Сперва обѣдню отпоемъ,  
 Помолимъ Бога о твоёмъ  
 Здравьѣ и о счастьѣ нашемъ;  
 А послѣ, осушивъ здравницу, <sup>16)</sup>  
 Всѣ запируемъ и запляшемъ!  
 Сплетясь въ живую вереницу,  
 Родное кѣло <sup>17)</sup> здѣсь завьемъ,  
 И пѣсню хоромъ запоемъ  
 Про нашу быль и небылицу;  
 А то потѣшимся стрѣльбой,  
 Иль бѣгомъ въ запуски, борьбой!...  
 А наши момки <sup>18)</sup>?... каковы?  
 Дубъ къ дубу!... словно на подборъ!  
 Не пожалѣютъ головы,  
 Хоть молоды, когда въ упоръ  
 Въ бою до Турокъ доберутся!  
 Не диво—вѣдь, на ловлю рвутся,  
 Чуть подростутъ, уже волчата;

15) Юнакъ—молодецъ витязь.

16) Здравница — заздравная чаша, выпиваемая въ круговую.

17) Кѣло—хороводъ.

18) Момки—молодые ляди.

И, оперившись, соколята  
По гнѣздамъ сиднемъ не сидятъ.  
А ты насъ слабыми считаешь,  
И все тоскуешь, причитаешь!...  
И то подумай, что не весь  
Народъ еще собрался здѣсь—  
Вѣдь, дома вшестеро осталось!  
Нѣтъ, Турки!... если вамъ мечталось  
Перевести совсѣмъ нашъ родъ,  
Такъ не сочтете вы сиротъ  
И вдовъ своихъ!... Нѣтъ, бесполезной  
Не потѣшайтесь мыслью этой—  
Вамъ не сломить души желѣзной,  
Любовью къ родинѣ согрѣтой!...  
Пока огонь горитъ въ очахъ,  
И голова есть на плечахъ,  
Пока рука похолодѣетъ,  
Пока замрутъ въ груди сердца—  
Мы будемъ биться до конца,  
А смѣлымъ—Самъ Господь владѣетъ!...  
При счастья всякъ поетъ и скачетъ,  
Одинъ юнакъ въ бѣдѣ не плачетъ.

(Въ это время начался крестный ходъ. Народъ стрѣляетъ изъ ружей).

Сердарь Янко Джурашковичъ.  
Ну, Томановичъ!... ужъ удалъ!...  
Удалъ стрѣлять ты!... все-бъ отдашь.  
Я за ружье твое!...

Сердарь Радоня.

Идите

Сюда скорѣй ко мнѣ!... глядите!

Почти что каждое я лѣто  
Всходилъ на возвышенье это,  
А не видалъ такого чуда!  
Бывало, я смотрю отсюда,  
Какъ съ моря облака всплываютъ,  
И всю долину покрываютъ,  
И горы, словно пеленой:  
Здѣсь тишина, а подо мной  
Клубятся тучи, громъ гремитъ,  
Сверкаетъ молнія, шумитъ,  
Дробится дождикъ проливной.  
Но только дѣло и кончалось  
Долиной этой; не случалось  
Ни разу этакъ, чтобъ гроза,  
На сколько обведутъ глаза,  
Такъ далеко распростиралась!  
Смотрите, надо всѣмъ приморьемъ,  
Надъ Босніей, Герцеговиной,  
Албаніей—какъ разыгралась!  
Надъ нашимъ только Черногорьемъ,  
Надъ цѣлой большей половиной,  
Сіяетъ солнце!... и свѣтло,  
И рѣдко, чтобы на горѣ,  
Объ этой утренней порѣ,  
Такъ было тихо и тепло!

Обрадъ.

Эй, ей, смотрите!... чудеса!...  
Вотъ тамъ, гдѣ облака сгустились.  
Сейчасъ двѣ молніи скрестились!  
Одна сверкнула полоса



Отъ Кѡма <sup>19)</sup> къ Лѡвчену, <sup>20)</sup> а ей,  
Наперерѣзъ еще сильнѣй,  
Другая впахнула къ Острогу! <sup>21)</sup>  
Такого чуда я, ей Богу,  
Ни разу въ жизни не видалъ!...  
И все бы съ радостью отдалъ,  
Чтобъ разъ еще святой нашъ Крестъ  
Блеснулъ съ небесъ средь этихъ мѣстъ,  
Ну, случай!... вѣкъ я не забуду!  
Попомните, что быть тутъ чуду!

Вукъ Раслапчевичъ.

Во что на деревѣ, въ верхушку,  
Ты цѣлишь, Драшко?

Воевода Драшко.

Я?... въ кукушку!

Ишь разстоналась!... словно рада!...  
Разнесъ-бы въ пухъ!... да жаль за-  
ряда!

Вукъ Раслапчевичъ.

Скорѣй винтовку опусти,  
И лобъ себѣ перекрести!...  
Кукушки—дочери царя,  
Святого Лазаря, <sup>22)</sup> и зря  
Нельзя стрѣлять ихъ, братецъ!... да!  
Смотри, не тронь ихъ никогда!

(Наверху горы послышался сильный шумъ).

19) Комъ—горная вершина.

20) Лѡвченъ—также горная вершина.

21) Острогъ—монастырь.

22) Народное повѣрье.

Сердарь Вукота.

Что тамъ за шумъ и крики эти?...  
Чего вопите, словно дѣти?

Вукота Мервалевичъ.

Да куронатки прилетѣли  
Къ намъ стаей—ловимъ ихъ живьемъ,  
И камнями, и палкой бьемъ.  
(Тѣ, которые внизу, громко кричать въ  
отвѣтъ).

Онѣ укрыться захотѣли  
Отъ непогоды здѣсь у насъ,  
А вы ихъ бить давай сейчасъ!  
Не троньте мелкоты убогой,  
Пускай летятъ своей дорогой!

(Крестный ходъ окончился, и народъ сталъ  
расходиться по домамъ).

Скупщина на Малую Госпожу, (праздникъ  
Рождества Богородицы) въ Цетинѣ соб-  
ралась для примиренія главарей. Главари  
стоятъ въ сторонѣ, а народъ водить коло.

К о л о.

Господь прогнѣвался на насъ!...  
Грѣховъ смертельныхъ не стерпѣвъ,  
Излилъ свой правосудный гнѣвъ!  
Навѣкъ, Цари, отвергъ оцъ васъ,  
Лишилъ могущества и славы,  
Лишилъ васъ разума, совѣта—  
За то, что, путь оставивъ свѣта,  
Вы уклонились въ путь лукавый!  
И слуги царскіе невѣрны!...

Какъ беззаконны, лицемѣрны,  
Сердца, уста ихъ и дѣла!...  
О, чтобы проклята была,  
Вельможи, память ваша вѣчно!  
Измѣной, злобой безсердечной,  
Вы царство Сербское сгубили!  
Ахъ, отчего васъ не убили  
Всѣхъ поголовно на Коссовомъ!  
Не помянуть васъ добрымъ словомъ!...  
Лишь ты, нашъ доблестный Милошъ,  
Нашъ незабвенный, нашъ любимый,  
Въ народной памяти живешь!  
Твои святые побратимы <sup>23)</sup>  
Съ тобой, какъ жертвы, полегли!  
Бранковичъ Вукъ, <sup>24)</sup> злодѣй, внемли!...  
Потомства страшень приговоръ!  
Предатель, родины позоръ!...  
Ты братьямъ въ битвѣ не помогъ!  
Какъ воръ, тайкомъ ушолъ оттуда!  
За то тебя отвергнулъ Богъ,  
Да будешь проклятъ ты, Иуда!  
Юговичи, <sup>25)</sup> юнацкй роъ,

<sup>23)</sup> Побратимъ: Милоша Иванъ Косачичъ и Миланъ Топлица убиты вмѣстѣ съ Милошемъ на Коссовомъ полѣ. Побратимство—обрядъ, съ клятвой на вѣчную дружбу.

<sup>24)</sup> Вукъ Бранковичъ зять царя Лазаря; поссорившись съ Милошемъ, другимъ зятемъ царя Лазаря, онъ оставилъ Сербовъ въ рѣшительную минуту битвы на Коссовомъ полѣ; и этому обстоятельству Сербы приписываютъ свое поражение.

<sup>25)</sup> Юговичи братья царицы Малицы,

Вы честно службу сослужили—  
Вы головы свои сложили  
За родину и за народъ!  
И что отъ вѣка рѣшено,  
Чему свершиться суждено—  
То и свершается!... великъ,  
Могучъ былъ витязь нашъ Милошъ,  
А палъ?... судьбы не обойдешь!...  
Горитъ его могучій ликъ  
Безсмертной славой средь народа—  
Ты живъ нашъ славный воевода,  
Пока лишь Сербство будетъ жить!  
И какъ не плакать, не тужить!  
О, горе намъ!... вѣдь, ты унесъ  
Съ собой въ могилу нашу долю!...  
Разлиты рѣки сербскихъ слезъ  
И крови по Коссову полю!  
На немъ мы счастье схоронили.  
На немъ враги заполонили  
Навѣкъ отчизну!... сгибли вы,  
Юнаки наши, Сербства цвѣтъ!  
Подобныхъ вамъ теперь ужъ нѣтъ—  
Смирились и притихли львы!  
А вы, отступники отъ вѣры,  
Съ какой вы стати потурчились?  
Гдѣ измѣнять вы научились?  
Чьи соблазнили васъ примѣры?  
Чѣмъ нехристь васъ успѣлъ прель-  
ститъ.

жены царя Лазаря; также народные герои, погибшіе на Коссовомъ полѣ.

Попрать все то, что людямъ свято?...  
Еще не все у насъ вѣдь взято,  
Еще насъ станеть, чтобъ отмститъ!  
Всѣ тѣ, кому мила свобода,  
Святая вѣра, прахъ отцовъ,  
Родное Сербство, честь народа—  
Сошлись сюда со всѣхъ концовъ!  
На эти горныя долины  
Полетъ направилъ родъ орлиный,  
Здѣсь свилъ гнѣздо!... и съ давнихъ  
поръ  
Трепещеть врагъ нашъ Черныхъ горъ!  
Не даромъ!... кровью оросили  
Мы каждый шагъ родной земли!  
Здѣсь о пощаду не просили,  
А головами полегли  
За вѣру, Сербство и отчизну!...  
Слезами имъ справляемъ тризну!...  
Какъ звѣзды славою горятъ  
Начавшіе съ врагомъ борьбу!  
И воспѣвая ихъ судьбу,  
О нихъ и пѣсни говорятъ.  
Да, не вернется это время!  
Перевелось юнаковъ племя.  
Теперь не то!.. теперь замолкъ  
Кликъ бранный, не гремитъ средь горъ.  
Прикинувшись овцой, какъ воръ,  
Закрался въ наше стадо волкъ.  
Поддавшись лести, присмирѣвъ,  
Попалъ въ ловушку сербскій левъ.  
Великая бѣда случилась—  
Часть Черногорцевъ потурчилась!..

Святое солнце здѣшнихъ мѣстъ,  
Поруганъ живоносный Крестъ!  
Здѣсь погань завелася нынѣ—  
Явилася мечеть въ Цетиньѣ!

Воевода Милія.

Что скажете вы, главари?  
О чемъ поютъ?.. слыхали-ль вы?  
И правы—что ни говори!...  
Вѣдь эта пѣснь изъ головы  
И сердца цѣлаго народа  
Сама собой невольно льется!  
Да, плохо намъ теперь живется,  
Прощай и вѣра и свобода!  
Народъ успѣлъ ужъ все понять....  
Ахъ, какъ-бы духъ его поднять!...  
На смерть борьбу съ врагомъ возжечь,  
Чтобъ зло въ зародышѣ пресѣчь,  
А не терпѣть, не жить съ нимъ ря-  
домъ!  
Да что я такъ занесся впрочемъ!  
Вѣдь мы, какъ гуси, все гогочемъ,  
И топчемся на мѣстѣ стадомъ...  
Нѣтъ, бей врага вездѣ, всегда,  
Чтобъ не осталось и слѣда!

Воевода Станко.

Да!... правда!... стыдъ намъ и по-  
зоръ!  
Не даромъ такъ народъ озлился—  
Турецкій дьяволъ поселился  
Среди крещеныхъ нашихъ горъ!



Змѣю согрѣли на груди!...  
Да и какіе Турки братья  
Намъ, христіанамъ?... ихъ объятъ  
Задуютъ насъ, того гляди!

Сердарь Иванъ.

А гдѣ-жъ Озриничи?... ихъ нѣтъ?  
Что вздумалось имъ запоздать?  
А надобно ихъ подождать—  
Теперь намъ дорогъ ихъ совѣтъ.

Воевода Милія.

Нелегкая ихъ понесла  
Зачѣмъ-то къ Туркамъ... ужъ посла  
Погналъ за ними — „ждутъ - моль-  
ждутъ!“

Э!... вотъ они сюда идутъ!

(Въ это время пришли Озриничи).

Вукъ Томановичъ.

Чего вы, братцы, запоздали?  
Что съ вами?... гдѣ вы пропадали?  
Мы всё свои запасы съѣли...  
Тошнить и пересохли глотки,  
И табаку нѣтъ ни щепотки!  
Вы, какъ нарочно, тамъ засѣли!

Сердарь Вукота.

Отстаньте!... мы не вионаты!  
Насъ Турокъ задержалъ проклятый.  
Нашъ Пецирецъ и Балеть-дѣдъ  
На Дугу грянули чуть свѣтъ—

Съ четою <sup>26)</sup> Турокъ поджидали...  
Да ужъ, признаться, и задали,  
Какъ слѣдуетъ, поганымъ жару!  
Забрали сотню лошадей,  
Четырнадцать головъ скосили,  
И женщинъ захватили пару.  
Ну!—отъ знакомыхъ намъ людей  
Пришло письмо; въ письмѣ просили  
За выкупомъ скорѣй придти—  
За женщинъ тѣхъ хотятъ внести;  
Вотъ отчего мы опоздали—  
Сначала долго Турокъ ждали,  
А послѣ вышелъ съ ними споръ,

Князь Роганъ.

Что былъ у васъ за разговоръ?

Князь Янко.

Ну, разговоръ!.. ахъ, чтобъ разнесъ  
Его по вѣтру съ лаемъ песъ!

Вукъ Марковичъ.

За что дошло у васъ до спора!  
Кго вино ватъ, что вышла ссора?

Князь Янко.

Да началось съ пустяковъ,  
А кончилось—такъ вонъ изъ рукъ!  
Хамза и Мичуновичъ Вукъ  
О вѣрѣ спорили; каковъ

<sup>26)</sup> Чета—дружина, отправляющаяся въ набѣгъ.

Обычай Турокъ—самъ ты знаешь;  
Хамза какъ вскрикнетъ: „ахъ, ты,  
Влахъ! 27

Ты за кого меня считаешь?  
Ты вспомни о моихъ правахъ!  
Съ кѣмъ говоришь?... я капитанъ!  
И чинъ мой службою добыль!...  
Мой родъ пожаловалъ султанъ!...  
Ты, видно, это позабыль?...  
Ахъ, ты, несчастный!... и во снѣ  
Тебя не прировнять ко мнѣ!  
Молчи ужъ лучше!... сказъ одинъ—  
Ты рабъ, а я твой госиодинъ!»  
Какъ порохъ, вспыхнулъ гнѣвомъ  
Вукъ:

«Мнѣ предъ тобою замолчать?  
Измѣнникъ!... какъ ты смѣлъ кричать!  
И на кого!... и дѣдъ и внукъ,  
Отецъ твой, ваша вся порода—  
Безчестье нашего народа!  
Чѣмъ хвалишься?... что потурчился?  
Ты правъ—я-бъ на-смерть огорчился,  
Когда, хотя-бы и во снѣ,  
Кто приравнялъ тебя ко мнѣ!  
Ты, чтобъ у Турокъ заслужить,  
Рѣшилъ ничѣмъ не дорожить!...  
И все—свободу, Крестъ и честь,  
Все, что святаго только есть  
Все продалъ!... руки ты лизалъ

27) Влахами Турки называютъ христіанъ-славянъ.

У тѣхъ, кто родину терзалъ!...  
А я?... ты знаешь-ли кто я?  
Бичъ Божій—свитый на тебя!  
Чтобъ ты во вѣки не забыль,  
Чѣмъ прежде самъ, поганый, былъ!

Всѣ присутствующіе.  
Вотъ это славно!... это такъ!  
Ай, Мичуновичъ!... ай юнакъ!

Князь Янко.

Еще не конченъ мой рассказъ!  
Постойте-ка!... вотъ, въ самый разъ,  
Какъ ссора съ Турками зашла,  
Брунчевичъ подоспѣлъ мулла;  
Возьми-себѣ онъ, и повѣсь  
Ружье за спину... ну, вотъ здѣсь  
И приключился съ нами грѣхъ:  
Собралась наша молодежь...  
Какъ разшались—не уймешь:  
Задумали они на смѣхъ  
Поднять муллу—кто ни пройдетъ,  
Со смѣху такъ и упадетъ!...  
„Что тамъ?“—мы думаемъ; анъ  
глядь—  
Торчитъ въ дулѣ шишаны 28) палка!..  
Ну, и пошло, и вышла свалка!...  
Разсвирѣпѣлъ, какъ звѣрь!... стрѣ-  
лять  
Брунчевичъ сталъ, другіе тоже....

28) Шишана - короткое ружье.

И стало дѣло—дрянь, какъ есть,  
Хоть было и на смѣхъ похоже....  
Душъ подстрѣлили пять, иль шесть,  
Изъ нашихъ, кто погорячѣе;  
И Турокъ, правда, побойчѣе,  
Десятка уложили два;  
И то ужъ разошлись едва!

Богданъ Джурашкovichъ.

Эхъ!... полно, братцы, вамъ кри-  
чать!...

Когда-жъ рѣшимся мы начать?  
Межъ Турокъ слухи ужъ идутъ,  
А мы все споримъ!... и пока  
Сберемся взять ихъ за бока,  
Насъ перебьютъ, какъ пить дадутъ!

Сердаръ Радоня.

Да-да!... семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!  
Тотъ верхъ возьметъ, кто похитрѣй.  
Кончатъ-бы надо поскорѣй,  
Да Мартиновичей здѣсь нѣтъ,  
А сами знаете—начать  
Безъ нихъ нельзя, не то кончатъ.

Князь Байко.

Одно ужъ—иль за дѣло взяться,  
Иль по домамъ всѣмъ отправятся!  
Досадно право!... тянуть, тянуть!...  
Чего тутъ ждать?... ужъ скоро ста-  
нутъ  
Смѣяться намъ въ глаза и дѣти.

Проспятся!... съ-пьяна, вѣдь, ореть!..  
А что—и самъ не разберетъ.  
Затихло все; минутъ чрезъ пять  
Вдругъ слышимъ выстрѣлы опять!  
Эге!... теперь уже не шулки!  
Мы всѣ, не медля ни минутки,  
Схватили ружья—и туда!...  
И впрямь случилась бѣда!...  
Муйо--Аличъ, кавазъ-баша, <sup>30)</sup>  
Ушоль, сманивши нашу Ружу! <sup>31)</sup>  
Ну, да и Ружа хороша!  
Ужъ годъ какъ снюхалася съ нимъ!...  
Теперь вотъ вышло все наружу,  
А то хоть словомъ-бы однимъ  
Проговорилась!... ну, ужъ дѣвка!  
Таилась ровно цѣлый годъ!  
Хитра, какъ бѣсъ!... ея уходъ—  
Надъ всѣми нашими издѣвка!  
А стыдъ какой!... вотъ отличилась!  
Чтобъ выйти замужъ—потурчилась!

Князь Роганъ.

Да, женщина чудитъ не въ мѣру;  
Съ ума сойдетъ, когда полюбитъ;  
Не то, что перемѣнитъ вѣру,  
А и себя сто разъ загубитъ!

Томашъ Мартиновичъ.

Ахъ, Ружа!... и кому досталась!

<sup>30)</sup> Кавазъ-баша—начальникъ полицей-  
скихъ служителей.

<sup>31)</sup> Ружа женское имя: Роза.



Бѣдняжка!... намъ теперь осталась,  
Пока хоть капля крови есть,  
Проклятому отродью мечь!...  
Лишь мы узнали про тихоню,  
Про нашу—кинулись въ погоню  
За ними слѣдомъ, въ тотъ-же мигъ.  
Я у Симуны <sup>32)</sup> ихъ настигъ,  
И разорвать ихъ былъ готовъ!  
Какъ дали залпъ, такъ и свалили  
Всѣхъ лоскомъ!... жениха, сватовъ....  
И Ружу тутъ-же застрѣлили!  
Вотъ грѣхъ какой!... вѣдь, стыдъ на-  
вѣкъ!...  
Пропаций сталъ я человекъ! <sup>33)</sup>

Князь Янко.

Ахъ, Господи мой милосердный!...  
За дѣло взятыя не умѣемъ!  
Шумимъ и споримъ, а не смѣемъ  
Провозгласить нашъ кликъ побѣдный.  
Пока мы тутъ кричимъ безъ толку,  
Враги перехитрятъ насъ всѣхъ;  
Они поднимутъ насъ на смѣхъ,  
Наладивъ дѣло втихомолку.  
(Владыка Даниль, увидѣвъ, что собрались  
ужь всѣ главари, подходитъ къ нимъ).

Вукъ Мичуновичъ.

Будь здоровъ, Владыка!... что прика-  
жешь?

<sup>32)</sup> Симуныя—гора.

<sup>33)</sup> Убить женщину—считается у Черногорцевъ большимъ несчастьемъ и позоромъ.

Мы слова твоего лишь ждемъ!  
Велишь—всѣ, какъ одинъ, пойдемъ,  
Куда захочешь и укажешь!  
О чемъ грустишь?... одинъ, какъ тѣнь,  
Тоскуя, бродишь цѣлый день;  
Не ѣшь, не пьешь, печаленъ, тихъ—  
Ты огорчаешь насъ самихъ.  
Прими сердечный нашъ совѣтъ:  
Про горе и тоску забудь!  
Отъ мрачныхъ мыслей пользы нѣтъ!  
И самъ я, если не успѣю  
Отъ нихъ уйти куда-нибудь,  
Такъ не умнѣю, а глупѣю!

Владыка Даниль.

Не удивляйтесь, Вукъ и вы,  
Всѣ прочіе по сердцу братья,  
Что я томлюсь, и головы  
Не поднимаю.... гнѣвъ, проклятыя,  
Кипятъ въ измученной груди!  
Не спи, а въ оба тотъ гляди,  
Кому все видно, какъ съ горы!...  
Не проиграть-бы мнѣ игры!...  
Будь врагъ чужой намъ—не бояться,  
Готовъ-бы я надъ нимъ смѣяться!...  
Но, горе намъ—нашъ врагъ домаш-  
ній,

Единокровный, братъ вчерашній!  
О ужасъ!... тѣхъ, кого любить  
Намъ должно, какъ себя самихъ,  
Намъ, соплеменниковъ своихъ,  
Придется, какъ звѣрей, убить!

О если бы мои мольбы  
Услышалъ милосердый Богъ,  
И избѣжать-бы намъ помогъ  
Братоубійственной борьбы!  
Боюсь, чтобъ мы не погубили  
Въ междоусобіяхъ отчизны!  
Ужасны будутъ укоризны,  
Что мы самихъ себя убили!...  
Вотъ, отчего я такъ скорблю,  
И не рѣшаюсь, и терплю  
Отъ потурчанниковъ измѣну,  
И медлю кликнуть кличъ на бой—  
Кто утопаетъ, тотъ и пѣну  
Руками ловить надъ собой!

Князь Раде (*братъ Владыки*).

Зачѣмъ-же было насъ сзывать?  
Послушай, если не кузнецъ,  
Такъ не берися и ковать!  
Что ждать?... рѣшайся наконецъ!  
Ты милосердъ ужъ сталъ безъ мѣры!  
Измѣнниковъ отчизны, вѣры,  
Жалѣешь, какъ дѣтей, голубишь!  
Не тѣшишься праздною мечтой  
Поправить дѣло добротой—  
Ихъ не спасешь и насъ погубишь!  
Вотъ попался-ка ты имъ въ руки,  
Они тебѣ сослужать службу!  
Не вѣрь ты въ ихъ любовь и дружбу,  
Теперь не мы имъ братья—Турки!  
И ихъ жалѣть!... нѣтъ, не поможетъ  
Съ предателями доброта!

Нѣтъ, бей отверженцевъ Креста,  
Пока рука махать лишь можетъ!

Воевода Батричъ.

Да, правда, князь!... все это вѣрно;  
Но мягче могъ-бы ты сказать,  
Чтобъ такъ Владыки не терзать—  
И то страдаетъ онъ безмѣрно!

Тихая лунная ночь. Часть народа сидитъ  
вокругъ огней, а часть водить коло.

К о л о.

Еще на свѣтъ тотъ не родился,  
Кто былъ-бы счастливъ цѣлый вѣкъ;  
Не видано, чтобъ человекъ  
Безъ горя въ жизни наслаждался;  
Чтобъ чашу меду кто-нибудь  
Безъ капли горечи вкусилъ,  
Чтобъ цѣлой жизни трудный путь  
Хоть разъ слезой не оросилъ!  
Не вѣтры буйные шумятъ,  
Не громъ въ ущельяхъ горъ грохо-  
четъ,

То Турки пунками гремятъ,  
Султанъ въ конецъ известъ насъ хо-  
четъ.

Но, какъ скала смиряетъ бѣгъ  
И плескъ бушующаго моря,  
Такъ храбрый Черноевичъ-бегъ <sup>34)</sup>

<sup>34)</sup> Ивавъ-бегъ-Черноевичъ—знаменитый князь черногорскій, жившій въ XV вѣкѣ. По завоеваніи Албаніи и Герцеговины,

Не испугался бѣдъ и горя!  
Враги все Сербство покорили;  
До тла, какъ звѣри, раззорили  
Албанію, Герцеговину!...  
Попрали вѣру и свободу!...  
Убивъ Уроша-воеводу,  
Земли отняли половину!...  
Убили брата!— князь стерпѣлъ,  
И отразить враговъ успѣлъ!  
Тяжка была потеря брата,  
Горька бѣда— земли утрата,  
Но смерть Уроша тяжелѣе,  
Онъ былъ дороже и миѣе!  
Тѣснить злодѣй— не стало мочи!...  
Отдалъ-бы князь и сыновей,  
Отдалъ-бы часть земли своей,  
Отдалъ-бы за Уроша очи!  
Отдалъ-бы все!... и храбръ, и смѣлъ,  
Урошъ враговъ разить умѣлъ!  
Но вспомнилъ милосердый Богъ  
Насъ, грѣшныхъ, и въ бѣдѣ помогъ!  
Отъ радости едва не плачетъ

---

всѣ силы турецкія обратились на Черногорію. Безъ денегъ, безъ союзниковъ, Черноевичъ сумѣлъ однако отразить Турокъ, и спокойно окончилъ свой вѣкъ—, прославляемый и чтимый народомъ, который и теперь съ восторгомъ вспоминаетъ его имя. При немъ Черногорцы постановили: всякаго, кто уйдетъ съ поля битвы, въ знакъ презрѣнія, одѣвать въ женское платье, и съ прялкою въ рукахъ водить по селамъ. Наказаніе это было хуже смертной казни.

Нашъ старый князь, юнакомъ скачетъ,  
Забывъ болѣзни и года!...  
Что передъ нимъ и молодые!...  
Снопамъ волосы сѣдые  
Разметаны и борода!  
Сіяетъ славой грозный ликъ,  
Мечъ, словно молнія, сверкаетъ!  
Могучій нашъ побѣдный кликъ,  
Какъ громъ гремитъ, не умолкаетъ!  
Ликуетъ старый князь не даромъ—  
Сломивъ враговъ однимъ ударомъ,  
Онъ гонитъ, онъ на смерть ихъ бьетъ,  
И пѣснь побѣдную поетъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Шутя ни пѣсни не споешь,  
Ни острой сабли не скуешь!...  
Никто юнакомъ никогда  
Не сталъ безъ горя и труда!  
Блаженъ, чье имя въ тѣмѣ вѣковъ,  
Избѣгнувъ времени оковъ,  
Горитъ безсмертія лучами!  
Кто у потомства предъ очами,  
Какъ путеводная звѣзда,  
Сіяетъ славою всегда!  
Предъ нами вправѣ онъ гордиться,  
Что стоило ему родиться,  
Что стоило ему и жить!—  
Онъ будетъ образцомъ служить!

Владыка Даніилъ.

(Задумавшись, и не замѣчая никого, говорить про себя).



Тамъ, гдѣ ростокъ пустило сѣмя,  
Тамъ, въ предназначенное время,  
Родится новое зерно...  
Какъ? почему? — не суждено  
Узнать намъ этого навѣрно!...  
Но зрѣлый плодъ неправъ безмѣрно  
Ужъ тѣмъ, что вырости успѣлъ;  
И если въ пищу онъ идетъ,  
Такъ сбора, словно казни, ждетъ —  
Ждутъ-не-дождутся, чтобъ поспѣлъ!  
И та пословица вѣрна,  
Что будь сто разъ права овца,  
А у волка всегда она  
Во всемъ виновна безъ конца!  
И не напрасно слабый тужить,  
Что правда службы не сослужить,  
Не защититъ передъ врагомъ —  
Кто слабъ, тотъ виноватъ кругомъ!  
Куда ни поглядишь вокругъ —  
Вездѣ война, за все борьба!  
Строга къ убогимъ и судьба,  
Лишь добрый беззащитнымъ другъ!  
Но злую силу обуздать,  
Въ обиду слабого не дать,  
Страдальцу оказать участие —  
Вотъ доблестнаго сердца счастье!  
И мы страдаемъ.... какъ страдаемъ!  
Мы ежечасно ожидаемъ,  
Что Турокъ нашъ пріютъ разрушить,  
Какъ волкъ овецъ, насъ передушить!...  
Но мы не ропщемъ на судьбу,  
Не плачемъ, а на смерть ведемъ

Съ злодѣемъ вѣчную борьбу!...  
На бой съ нимъ, какъ на пиръ, идемъ!...  
И, кровью истекая въ битвѣ,  
Терзансь въ бѣдствіи такомъ,  
Не видя помощи ни въ комъ,  
Спасенья ищемъ лишь въ молитвѣ!  
А сколько жертвъ мы принесли,  
И сколько принесемъ ихъ вновь!...  
Омыла праведная кровь  
Алтарь отечества; спасли  
Тѣ жертвы, можетъ быть, на время  
Отъ мусульманства наше племя!  
Судьба насъ, бѣдныхъ, пріютила  
На рубежѣ двухъ свѣта странъ;  
На той границѣ помѣстила,  
Гдѣ борется съ Крестомъ коранъ.  
Какъ тутъ несчастью не случиться?  
И какъ не впасть тутъ въ иску-  
шенье?...  
Прости имъ Богъ ихъ согрѣшенье,  
И наши стали ужъ турчиться!  
Но, Господи!... смертельный грѣхъ,  
Ужаснѣйшій, страшнѣйшій всѣхъ —  
Крещенымъ отъ Креста отречься!...  
Что предпринять?... какъ уберечься,  
Чтобъ остальныхъ не заразить?  
Чѣмъ можно это зло сразить?  
Гдѣ положить ему границы?  
Кто сниметъ намъ бѣльмо съ зѣницы?  
Кому могу я рассказать,  
Какъ мучусь я съ самимъ собою?  
Миѣ-ль смѣть отчизну растерзать



Междоусобною борьбою?  
Несчастное родное племя,  
Какая ждешь тебя гроза!...  
Ахъ, лучше-бы мои глаза  
Навѣкъ потухли въ это время!  
Не зналъ-бы я, какъ стонъ, про-  
клятья,

Всѣ эти горы огласять!  
Какъ родину, свои-же братья,  
Слезами съ кровью оросятъ!  
Ужасенъ жребій мой!... вокругъ  
Нѣтъ никого, кто хоть совѣтъ  
Мнѣ подаль-бы, какъ добрый другъ....  
Но друга не было и нѣтъ!  
Я долженъ самъ на все рѣшиться!  
Пусть будетъ, что должно свершиться,  
Что предназначено судьбой—  
Я долженъ кликнуть кличъ на бой!  
И, можетъ быть, не сгинешь ты,  
Страна родная, а изъ тлѣнья,  
Для молодаго поколѣнья  
Взойдутъ и выростутъ цвѣты!

Сердарь Вукота.

Очнись, Владыка!... Богъ съ тобой!  
Ты бредишь, что-ли?... что за бой?

Владыка Данилъ.

Впередъ!... впередъ за честь и вѣру!  
Смерть потурчанникамъ!... не въ мѣру  
Они плодятъ свою заразу!  
Огнемъ ихъ изведемъ, мечомъ!

Какъ ядъ, какъ гнойную проказу,  
Безъ сожалѣнья отсѣчемъ!  
(Всѣ главари вскочили съ радостнымъ  
крикомъ).

Владыка Данилъ.

Нѣтъ—нѣтъ!... возможно-ли спѣшить,  
Когда приходится рѣшить  
Судьбу отчины?... поскорѣй  
Сберемъ мы на совѣтъ сюда  
Всѣхъ потурчанскихъ главарей,  
Быть можетъ и пройдетъ бѣда!...  
И станемъ Господа молить,  
Чтобъ вразумилъ, наставилъ ихъ!...  
Ужасно кровь родную лить!  
Ужасно убивать своихъ!

Сердарь Янко.

Не жди отъ нихъ, Владыка, толку!—  
Давно ужъ въ нихъ вселился бѣсъ;  
Самъ знаешь, что бродягѣ-волку.  
Милѣй всего на свѣтѣ лѣсъ;  
Отъ ласки къ нимъ не жди успѣха,  
Вся скорбь твоя—для нихъ потѣха!  
(Владыка посылаетъ за начальниками потур-  
чанниковъ, чтобъ тѣ пришли на совѣщаніе).

Коло.

Не голубица то стенала,  
Не слезы то лила ягница,  
Княгиня Марья—беговица<sup>35)</sup>

<sup>35)</sup> Княгиня Марья-беговица—жена кня-  
зя Иванъ-бега Черншевца.





Царь міра и Отець вселенной!  
Создавшій землю, небеса!  
Внемли мольбѣ моей смиренной,  
Ничтоженъ предъ Тобою я,  
Но Ты, изъ безднѣ небытія  
Воззавшій насъ предвѣчнымъ сло-  
вомъ,

Спаси, помилуй, сохрани  
Насъ горькихъ, и Твоимъ покровомъ  
Отчизну нашу осѣни!  
Великій грѣхъ!... мы правдѣ, чести,  
Всеми святому измѣнили!  
Христову вѣру осквернили,  
Поддавшись суетѣ и лести!  
Но, зная силу искушенья,  
Помилуй наши согрѣшенья,  
Прости измѣнниковъ Креста!...  
И на холодныя уста  
Медь липнетъ цѣлыми кусками;  
Играетъ зло и стариками,  
Безчеститъ волоса сѣдые;  
То какъ-же ждать, чтобъ молодья  
Не искусилися сердца!  
Чтобъ, избѣжавши злой напасти,  
Не поддались грѣховной сласти,  
Остались цѣлы до конца!...  
Прости насъ, Господи, прости!...  
О если-бъ могъ я васъ спасти,  
Мои родные, вмѣсто казни  
Вамъ жизнь и счастье даровать!  
О если-бъ могъ я безъ боязни,  
Васъ снова чадами назвать!

Благословили-бъ насъ съ Небесъ  
Тогда Милошъ и Лазарь царь,  
И не погибло-бъ наше дѣло!...  
Изъ мертвыхъ Сербъ тогда-бъ во-  
скресъ!...  
И были-бъ снова такъ, какъ встарь,  
У насъ одна душа и тѣло!

(Турки смотря съ негодованіемъ другъ  
на друга).

Скендеръ-ага.

Клянуся прахомъ Магомета,  
Не по душѣ мнѣ пѣсня эта,  
Владыка, твой невѣренъ судъ!  
Какъ ни хитри, въ одинъ сосудъ  
Не стапешъ класть огонь и ледъ;  
Нельзя смѣшать помынь и мѣдъ;  
Не вскатишь камень снизу въ гору;  
Не ожидай добра отъ спору!  
Къ чему такъ много лишнихъ словъ?  
Червонца не даютъ за тряпку...  
Нельзя одну и ту-же шапку  
Имѣть для нѣсколькихъ головъ!

Князь Роганъ.

Такъ! правда!... грѣшникъ на духу  
Попу, какъ каялся, сказалъ,  
Что дьяволъ, видно, показалъ  
Ему дорогу ко грѣху;  
Но гдѣ и кто видалъ когда,  
Чтобъ дьяволъ каялся?...

Князь Янко.

Да, да!...  
Не жди добра отъ злаго духа!

Обрадъ.

Тьфу, пропастъ!... въ носъ влетѣла  
муха!

Ужъ, вѣрно, это не къ добру!

Вукъ Раслапчевичъ.

Ладонь свербитъ!... ужъ тру я, тру...  
Все чешется... хоть вѣрь-не-вѣрь,  
А выйдетъ что-нибудь теперь!

Сердаръ Янко.

Ужъ хохоталъ-же я вчера!...  
Пришли ко мнѣ еще съ утра  
Юнаки наши погостить...  
Все молодежь.... и ну шутить!  
Одинъ до слезъ, вѣдь, разсмѣшилъ:  
Разсказывалъ, что такъ слѣшилъ  
Дѣдъ строить мельницу, и былъ  
Такой онъ смѣтливый юнакъ;  
Что воду-то и позабылъ!...  
Захлопотался старый такъ,  
Что, какъ окончилъ, такъ тогда  
Лишь вспомнилъ, что нужна вода,  
Что безъ нея нельзя никакъ!

Вукъ Мандушичъ.

Взбѣсилась у меня сноха!...  
Колотить все, на части рветъ,

И день и ночь, какъ звѣрь, ореть—  
Набрался съ нею я грѣха!...  
Ужъ и терпѣть пришлось не въ мочъ!  
Созвалъ знахарокъ, знахарей—  
Никто не могъ снохѣ помочь;  
Не перечестъ монастырей,  
Гдѣ я молебны отслужилъ;  
И какъ ни плакалъ, ни тужилъ,  
А вылечить ничѣмъ не могъ;  
Ну, просто, сбился съ нею съ ногъ!...  
Возился съ нею я, возился,  
Да наконецъ ужъ и озлился!...  
Что дѣлать станешь—согрѣшилъ!...  
Взялъ палку, да и порѣшилъ  
Дурь ея выбить!... сгоряча  
Отдѣлалъ со всего плеча,  
Такъ ладно, что сноха здорова  
И посегодня, какъ корова!

Воевода Батричъ.

Эхъ, братья!... что за околичность!  
Оставимъ споры и двуличность!  
Вамъ хорошо самимъ извѣстно,  
Что намъ давно ужъ вмѣстѣ тѣсно,  
Что ваша совѣсть не чиста!  
Воспряньте-же изъ мрака къ свѣту!...  
Долой скорѣе погань эту,  
Идите вновь подъ сѣнь Креста!  
Долой мечеть!... въ ночь Рождества,  
Пускай, перекрестившись, всякъ,  
Въ знакъ радости и торжества,

Зажжетъ, какъ встарь, родной бад-  
някъ <sup>39)</sup>.

Послушайтесь, оставьте мерзость!  
Не то!... клянусь вамъ вѣрой, честью,  
Въ крови потопимъ вашу дерзость!...  
Не справитесь съ народной местию!

(Всѣ Черногорцы вскочили съ громкими  
одобрительными криками).

Му ст ай ка ді я.

Да вы съ ума сошли совсѣмъ,  
Чего вы глотку такъ дерете?  
Оставьте!... попусту орете—  
Вѣдь дѣло намъ извѣстно всѣмъ!  
И что за диво вашъ баднякъ?  
Одно вамъ скажемъ навѣрняка,  
Одинъ готовъ у насъ отвѣтъ—  
Что лучше нашей вѣры нѣтъ!  
И что у нихъ за разговоръ!...  
Все крестъ да крестъ!... съ которыхъ  
горъ

<sup>39)</sup> Наканунѣ Рождества у Сербовъ каж-  
дый домохозяинъ срубаетъ въ лѣсу моло-  
дой дубъ, и кладетъ его на очагъ; дубъ  
этотъ называется баднякомъ. Явля отся по-  
сѣтители и, остановившись въ дверяхъ,  
разсыпаютъ изъ рукавицы хлѣбныя зерна,  
произнося при этомъ: „Христосъ родился!“  
Кто-нибудь изъ домашнихъ отвѣчаетъ: „Во  
истину родился!“ Затѣмъ посѣтитель уда-  
ряетъ кочергой по бадняку, такъ что искры  
сыплются во всѣ стороны, и приговари-  
ваетъ: „Сколько искръ—столько быковъ,  
коровъ, коней, овецъ, пчель, столько  
счастья!“

Онъ въ мірѣ славенъ сталъ, и въ  
чемъ?...

Кому внушилъ хоть малый страхъ?...  
Онъ слабъ, и упадетъ во прахъ  
Предъ магометовымъ мечемъ!  
Кто царь и покоритель странъ?  
Вашъ крестъ?... иль нашъ святой  
коранъ?

Не вамъ-бы намъ крестомъ пенять,  
Какъ вы не можете понять,  
Что двѣсти лѣтъ, по крайней мѣрѣ,  
Ужъ мы живемъ по нашей вѣрѣ!  
Эхъ, братцы!... ваше ослѣпленье  
Внушаетъ только сожалѣнье!  
И здѣсь живете вы всегда,  
Чуть съ голоду не умирая,  
И не узнать вамъ никогда  
Восторговъ правовѣрныхъ рая!  
Не зрѣть вамъ пламенныхъ очей  
Безсмертныхъ гурій Магомета!  
Не слышать сладостныхъ рѣчей!  
Не жить средь нѣги, ласкъ и свѣ-  
та!...

Святой Стамбуль! земли краса,  
Утѣха нашей жизни, слава!  
Вѣнецъ вселенной и держава,  
Возносишь насъ на Небеса!...  
По волѣ Бога ты надъ міромъ,  
Какъ солнце надъ землей, царинь!  
И вѣчнымъ счастьемъ, вѣчнымъ пи-  
ромъ,  
Твоихъ поклонниковъ даришь!



Ты рай земной!... О сколько разъ  
Стояль я, весь восторга полнь,  
Смотрѣль, не отрывая глазъ,  
Какъ, возвышаяся изъ волнь,  
Разсѣяль ты, во всё концы,  
Чертоги, башни и дворцы!  
Восторгомъ сердце зацеमितъ,  
Когда, съ вершины минарета,  
Святое имя Магомета  
Надъ правовѣрными гремитъ!

Князь Янко (*приподнимая шапку*).

Красно умѣешь говорить!  
Всѣ наши мысли отгадаль!  
Не знаемъ, какъ благодарить—  
Чего желали, то и далъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Да стоятъ-ли вести тутъ рѣчь,  
И тратить время дорогое!...  
Твердимъ одно, а вы—другое!..  
Пускай сразятся Крестъ и мечъ!...  
О Пасхѣ два яйца беретъ  
Тотъ, кто чужое разобьетъ.

Князь Янко.

Я шутокъ въ дѣлѣ не люблю!  
Клянусь, что въ Чекличахъ родныхъ,  
Средь нашихъ горъ заповѣдныхъ,  
Я погани не потерплю!  
Мнѣ надоѣла мерзость эта!...  
Какъ вззоетъ съ вышки минарета

Ходжа <sup>40)</sup> вашъ, словно какъ сова,  
Такъ даже треснетъ голова!

Князь Роганъ.

Попритчилось мнѣ съ лѣвымъ ухомъ!...  
Скребеть тамъ что-то, словно шило!

Вукъ Мандушичъ.

Навѣрно передь добрымъ слухомъ!...  
А мнѣ, вотъ, глазъ запорошило!  
Дунь, Байко!

Сердаръ Янко.

Дайте-ка огня!...

Эфенди, вамъ курить пристало,  
Берите-ка примѣръ съ меня!

Томашъ Мартиновичъ.

А воронье-то какъ грохочетъ!  
Знать, чуетъ падалъ, мяса хочеть;  
И по всему сдается мнѣ,  
Что мясо упадетъ въ цѣнѣ.

Вукота Мервалевичъ.

Суешься, Байко, невпопадъ!  
Стопталъ ружье!... шагни назадъ!

Скендеръ-ага.

Да перестаньте!... что за споры!  
Не приведутъ къ добру раздоры.  
Чѣмъ вамъ мѣшаетъ наша вѣра?

<sup>40)</sup> Ходжа—турецкій духовный санъ.

Чего вы съ нею къ намъ пристали?...  
Вѣдь не было еще примѣра,  
Чтобъ мы въ бою отъ васъ отстали.  
И развѣ общей нашей доли  
Мы съ вами не дѣлили, что-ли?  
Не вижу я предлога къ ссорѣ!...  
Всегда, и въ радости въ горѣ,  
Мы вмѣстѣ!... объ убитомъ мужѣ  
Плачь нашихъ женъ ничуть не хуже,  
Чѣмъ вашихъ....

Сердарь Вукота.

О земля родная!  
Что за проклятье надъ тобой?  
За что ты сражена судьбой?  
Страдаешь ты, сама не зная  
За чьи грѣхи!... лишь скорбь одна  
Тебѣ на долю суждена!  
Твоихъ сыновъ, твоихъ юнаковъ,  
Издавна жребій одинаковъ—  
На смерть сражаясь съ вражьей силой,  
Окончить раннею могилой!...  
А сколько женъ и матерей  
Твоихъ бойцевъ-богатырей  
Мечемъ турецкимъ сражено!  
А сколько ихъ осквернено!...  
Проклятье на тебя, Косово!  
Проклятье!... ты для насъ Содомъ  
Съ твоимъ неправеднымъ судомъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Какое вымолвилъ ты слово?

Остановись!... за что клянешь?...  
Тотъ святъ, кто умеръ за отчизну!  
Ты самъ юнакъ—юнаковъ тризну  
Съ благоговѣньемъ помянешь!  
Какъ счастливъ тотъ, кто въ цвѣтѣ  
силъ

Въ бою съ врагами смерть вкусилъ!..  
И чѣмъ подь-старость дорожить?  
Не страшно-ль до того дожить,  
Что и ходить не хватить мочи!  
Ослабнетъ умъ, потухнутъ очи,  
Кровь въ жилахъ станетъ холодѣть....  
И смерть, какъ жаба, изъ норы,  
Начнетъ съ насмѣшкою глядѣть....  
Ужасно ждать такой поры!  
Косова также не кляни—  
Господь сразилъ насъ этой битвой!..  
Слезами лучше и молитвой  
Юнаковъ павшихъ помяни!  
Косово—Лазаря гробница!...  
Его молитва и десница  
Родныя горы вознесли,  
Остатки Сербства въ немъ спасли!

Сердарь Иванъ Петровичъ.

Вы, потурчанники, кругомъ  
Виновны въ томъ, что породнились  
Съ исконнымъ христіанъ врагомъ—  
Теперь навѣкъ вы осквернились!  
Но слушайте!... пришелъ вашъ часъ!..  
Мы долше не потерпимъ васъ!  
Мала земля, намъ тѣсно стало;

Намъ съ вами не ужиться въ ней—  
Вѣдь къ узкимъ яслямъ не пристало  
Поставить разомъ двухъ коней!

Ферать Зачиръ, кавазь-баша.

Нѣтъ—нѣтъ!... не такъ!... неправы  
вы!

Нельзя отдать намъ головы,  
Нельзя очей перемѣнить,  
Нельзя и вѣрѣ измѣнить!  
Нельзя мѣнять ее, какъ платья!  
И чѣмъ-же больше дорожить? .  
Вѣдь, жили - жь прежде мы, какъ  
братья,  
И дальше также будемъ жить!

Князь Янко.

Хотѣли-бъ мы отъ всей души  
Жить съ вами братски—невозможно!  
Вотъ и теперь—хоть самъ рѣши!...  
Смотри, какъ всѣ здѣсь осторожно,  
Другъ съ другомъ сидя, говорятъ;  
Взгляни-жь — глаза!... огнемъ го-  
рятъ!...

Сверкаютъ ненавистью дикой!...  
Да, быть бѣдѣ!... бѣдѣ великой!...

Вукъ Мандушичъ.

Что за чалма у аги!... чудо!...  
Такую-бы и мнѣ не худо!  
Гдѣ ты купилъ ее?

Арсланъ—ага Мухадиновичъ.

Она

Не куплена—подадена.

Вукъ Мандушичъ.

Что за добро!... ну, ужъ чалма!  
Отдалъ-бы я вола съ ярма  
Въ промѣнъ тебѣ!...

Арсланъ—ага Мухадиновичъ.

Бери и такъ!

Лишь покумись со мной, юнакъ!

Вукъ Мандушевичъ.

Пожалуй!... покумиться-бъ радъ,  
Да знаешь что?... не ловко, братъ!  
Вѣдь, я крещеный!...

Арсланъ—ага Мухадиновичъ.

Ну, такъ что-же!

Обрѣзанье у насъ, вѣдь, тоже,  
Не хуже вашего крещенья.

Вукъ Мандушичъ.

Нѣтъ, братъ, уволь!... прошу про-  
щенья!

Готовъ я кумомъ быть всегда!  
А вотъ прикумкомъ—никогда!

(Въ это время произошелъ большой споръ  
между Черногорцами и потурчанниками.  
Болѣе благоразумные стараются не допу-  
стить до ссоры.)





«Вездѣ порядокъ и законъ,  
«Все осмотрѣть со всѣхъ сторонъ!  
«Чтобъ волкъ овецъ не поѣдалъ,  
«И чтобъ сама овца проста  
«Руна не терла у куста;  
«Чтобъ жемчугъ въ грязь не по-  
падалъ,  
«И не тускнѣлъ-бы средь навоза;  
«Чтобъ въ терніяхъ не глохла роза;  
«Чтобъ слабого съ земли поднять,  
«И своеволие унять;  
«Чтобъ райю, <sup>43)</sup> какъ рабочій скоть,  
«Смирить, вложивъ удило въ ротъ!  
«По полученьи отъ меня,  
«Владыка, этого посланья,  
«Поторопись того-же дня  
«Ко мнѣ явиться для свиданья!  
«Ты и князя, и главари—  
«Ко мнѣ должны придти сейчасъ!  
«Богатые дары для васъ  
«Я приготовилъ!... но, смотри!...  
«Чтобъ между нами, съ этихъ поръ,  
«Ни споровъ не было, ни ссоръ!  
«Не то!... ты знаешь, сабля рубить  
«Капусту въ мелкіе куски!...  
«Орѣхи для зубовъ жестки!...  
«И тотъ себя навѣкъ погубить,  
«Кто изъ-подъ знамени пророка  
«Уйдетъ хоть на мгновенье ока!

<sup>43)</sup> Райя—турецкіе подданные — Христиане.

«Умѣеть правовѣрныхъ рать  
«За ослушаніе карать!

Князь Янко.

Коли купецъ солжетъ—такъ съ шут-  
кой,  
Съ присловьемъ, съ красной приба-  
уткой!

Коль женщинѣ солгать придется—  
Слезами бѣдная залется!  
А вотъ, нахальный Турокъ-плутъ  
Лжетъ, какъ никто!...

Сердаръ Янко (*указывая на пос-  
ловъ*).

Пускай идутъ!...

Пиши, Владыка, имъ отвѣтъ—  
Ей-ей-же, слушать мочи нѣтъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Да-да!... будь добръ, не удержи  
Пословъ, Владыка, за отвѣтомъ!  
И ужъ, какъ слѣдуетъ, при этомъ,  
Въ письмѣ визирю удружи!

Владыка (*пишетъ*).

«Отвѣтъ Владыки Данила  
«И главарей Селимъ-пашѣ:  
«Намъ твой привѣтъ не по душѣ;  
«Не вспоминай того, что было!  
«Какъ хочешь, это понимай!  
«Кусай орѣхъ, да не сломай,

«А береги получше зубы!  
«Подарки намъ твои не любви—  
«Вино повысилось въ цѣнѣ;  
«Не только свѣта, что въ окнѣ!  
«Напрасно саблей насъ пугаешь!  
«И самъ ты, вѣдь, отлично знаешь,  
«Что Магометова кобыла  
«По свѣту рыскать позабыла;  
«У ней отъ боли и натуги  
«Совсѣмъ полопались подпруги.  
«Забылъ погромъ ты, видно, Вѣнскій,  
«Какъ воевода Собіесскій <sup>44)</sup>  
«Разбилъ кичливаго врага,  
«Сломилъ у демона рога!  
«Ужъ вы зазналися не въ мѣру!  
«Къ чему господство изувѣру?...  
«Для поруганья надъ другими?  
«Нѣтъ, ваше царство скоротечно—  
«Не притѣснять вамъ райми вѣчно:  
«Добро законами благими  
«Рождается, а не мечомъ.  
«Насиліе—лишь зло одно!...  
«И знай, что Туркамъ суждено  
«Въ концѣ остаться ни при чемъ!  
«Про насъ скажу—и сладокъ медъ,  
«Да къ ульямъ горькій путь ведетъ;  
«И приготовлень съ давнихъ поръ  
«Медвѣдю-лакомкѣ топоръ!

<sup>44)</sup> Въ 1674 г. Турки осадили Вѣну, но были разбиты на голову Іоанномъ III Собіесскимъ, королемъ польскимъ.

«Стригите собственныхъ овецъ,  
«И раззоряйте ихъ въ конецъ!  
«Мнѣ не учиться понимать  
«Всѣ ваши козни и уловки:  
«Не нужно мнѣ чужой веревки—  
«Боюсь, чтобъ шеи не сломать!...  
«Всѣ главари, князья и я—  
«Мы ваши вѣчные друзья!

(Окончивши письмо, читаетъ его вслухъ)

Князь Роганъ.

Вотъ нашъ отвѣтъ!... теперь идите,  
Визирю въ руки отдадите!

Вукъ Мичуновичъ.

Эй, други!... на-те-ка!... держите!...  
Подарокъ— съ пулею зарядъ!  
Чѣмъ я богатъ, тѣмъ вамъ и радъ!  
Визирю вашему скажите,  
Что нашей головѣ одна—  
Вотъ эта красная цѣна!

Риджалъ Османъ.

Ахъ, ты, гайдукъ!... <sup>45)</sup> какой за-  
рядъ?

Съ визиремъ такъ не говорятъ!  
Гдѣ онъ пройдетъ съ своимъ ружь-  
емъ—

<sup>45)</sup> Гайдукъ—бранное слово у Турокъ. Гайдуками называются Славяне, ушедшіе въ горы отъ преслѣдованія Турокъ.



Тамъ стонъ стоитъ, и кровь ручьемъ!

В у к ъ М и ч у н о в и ч ъ.

Ну-ну, потише!... я-бъ нашель,  
Что отвѣчать тебѣ, повѣрь!  
Да ты посломъ, вѣдь, къ намъ при-  
шель,

Не трону я тебя теперь!  
Хотя тебя и душишь злота,  
А не могу стерпѣть, скажу:  
Визирь и я, какъ погляжу,  
Одно мы—гайдуки мы оба!  
Но есть и разница—онъ райю  
Терзаетъ бѣдную, а я  
Злодѣевъ наглыхъ презираю!  
Несчастные—мои друзья,  
И мой всегдашній нравъ таковъ,  
Что я гайдукъ на гайдуковъ!  
Кавасы уходятъ. Вблизи скуштинны дерут-  
ся два пѣтуха.

К н я з ь Р о г а н ь.

Ахъ, дьяволы!... чего озлились?  
Вотъ смѣхъ-то!... чѣмъ не подѣли-  
лись?

Гаремомъ каждый окружень—  
У каждаго по тридцать женъ!  
Сластолюбивые султаны!...  
А вѣдь дерутся-же болваны!  
И какъ меньшей изъ нихъ поеть!  
Онъ, вѣрно, большаго побьетъ—  
Тотъ ослабѣлъ совсѣмъ, бѣдняга!...

Къ чему всѣ проволочки эти?  
Какой въ нихъ толкъ?... не понимаю!  
Ужъ если Турокъ я поймаю,  
Найду имъ мѣсто, гдѣ ихъ дѣть!  
Хотѣли мыши разъ надѣть  
Гремушку на кошачій хвостъ,  
Да трусили!—и котъ не простъ!

(Въ это время пришли Мартиновичи).

В у к ъ М и ч у н о в и ч ъ.

А, наконецъ-то вы, друзья!...  
Мы, будто пьяные сватъя,  
На свадьбу, путаясь, плетемся.  
Сойдемся, или не сойдемся  
Сегодня мы?... ужъ эти сборы,  
Да росказни, да разговоры!

Т о м а ш ъ М а р т и н о в и ч ъ.

Не смѣйся, Вукъ, насъ задержали!  
Ужъ мы и то почти бѣжали,  
Чтобъ во время поспѣть сюда,  
Да приключилася бѣда!

К н я з ь Р о г а н ь.

Какая?... перепились, вѣрно?  
И вамъ теперь, съ похмѣлья, скверно?  
Такъ что-жь?... не даромъ погуляли—  
Вы Имя Крестное <sup>29)</sup> справляли!

<sup>29)</sup> Крестное имя—у Сербовъ каждый домъ имѣетъ своего Святаго покровителя. День этого Святаго (крестно имя,) празднуется, какъ у насъ день именинъ.

Томашъ Мартиновичъ.

Ну, это бы туда сюда!...  
Еще нигдѣ и никогда  
Не видано, чтобъ отъ похмѣлья,  
Какъ мухи, люди умирали.  
Нѣтъ, намъ теперь не до веселья,  
Хоть плачь!... насъ Турки обокрали:  
Большое горе причинилъ—  
Пришли и женщину сманил!

Вукъ Мичуновичъ.

Кто, гдѣ, когда?... да ты не ври!  
Безъ шутокъ, толкомъ говори.

Томашъ Мартиновичъ.

Что врать!... еще не научился!  
А шутки мы теперь отложимъ.  
Ума мы, просто, не приложимъ,  
Какъ этотъ случай приключился!  
У насъ былъ праздникъ; слава Богу,  
Народу много къ намъ сошло;  
Мы угощали, чѣмъ нашлось;  
Развеселились понемногу.  
Пришли родные погостить;  
Водили коло, пѣсни пѣли...  
Какъ вдругъ—и третьей не успѣли:  
Еще здравицы въ кругъ пустить—  
Вдругъ выстрѣлъ за рѣкой и крикъ  
«Эй, Черногорцы!.. эй юнаки!  
На помощь!..»—«не дошло-бъ до  
драки»  
Мы думаемъ, да день великъ—

Ты что на это скажешь, ага?

Скендеръ-ага,

Нѣтъ, не согласенъ я съ тобой!  
Ужъ такъ назначено судьбой,  
Чтобъ большій былъ и посильнѣе....  
Онъ и клюетъ, и бьетъ больнѣе!

Ночь. Часть народа собралась вокругъ ог-  
ней, а часть водить коло.

Коло.

Надъ синимъ моремъ, гдѣ чредой  
Бѣжитъ за валомъ валъ сѣдой,  
Шумя у берега вершиной,  
Сталь Новый-городъ <sup>46)</sup> надъ пучи-  
ной.

Напали Млечане— <sup>47)</sup> въ упоръ  
Его отъ моря окружили;  
А Черногорцы обложили,  
Спустившись лавиной съ горъ.  
Высокихъ стѣнъ его твердыню  
Мы нашей кровью освятили;  
Сломивъ близъ нихъ врага гордыню,  
Святой водою окрестили.  
Топаль-паша съ несмѣтной силой  
На помощь городу спѣшилъ <sup>48)</sup>

<sup>46)</sup> Городъ Кастель-Ново.

<sup>47)</sup> Млечане—Венеціанцы.

<sup>48)</sup> Въ 1684 г. Венеціанцы, въ союзъ съ Австріей, Польшей и Черногоріей, объявили войну Туркамъ и отняли у нихъ городъ Кастель-Ново. Топаль-паша послѣ-

И сталъ для Турокъ онъ могилой!...  
 Ужъ, видно, такъ Господь рѣшилъ!  
 То Черногорцы заступили  
 Пашѣ дорогу—перебили  
 Всю рать его до одного!...  
 Такая ужъ судьба его.

Вукъ Мичуновичъ (лежитъ  
 вмѣстѣ съ сердаремъ Янко).

Сердарь, ты стонешь и кричишь!...  
 Чего ты поясомъ вертишь?

Сердарь Янко.

Хочу покрѣпче завязать!

Вукъ Мичуновичъ.

Зачѣмъ?

Сердарь Янко.

Да какъ тебѣ сказать?...  
 Чуть я засну, такъ словно гору  
 Мнѣ сдвинетъ кто-нибудь на грудь!...  
 Нельзя ни крикнуть, ни вздохнуть!  
 Хоть умирай!... клянусь я мѡру—<sup>49)</sup>  
 Во снѣ терзаетъ съ давнихъ поръ!

Вукъ Мичуновичъ.

Какая мѡра?... что за вздоръ.

шилъ на помощь этому городу изъ Босніи  
 и Герцеговины, но былъ разбитъ Черно-  
 горцами.

<sup>49)</sup> Мѡра—вѣдьма.

Я безъ просыпу сплю всю ночку.  
 Ты, знаешь, сталъ ужъ жиренъ  
 больно!  
 Терзаешь самъ себя невольнo—  
 Ишь разнесло тебя!... какъ бочку!

Сердарь Янко.

Да, растолстѣлъ!... какъ на убой!  
 И знаешь-ли, хоть и ношу  
 И тернъ, и хрѣнъ<sup>50)</sup> всегда съ со-  
 бой,

А лягу спать—едва дышу!  
 И туго-туго затянуть  
 Мнѣ нужно поясъ, чтобъ заснуть!

Князь Янко.

(Князь Янко лежитъ съ княземъ Роганомъ.)  
 Фу! гадость!... какъ воняетъ скверно!  
 И отъ кого?... отъ Турокъ, вѣрно?  
 Роганъ, ты слышишь?

Князь Роганъ.

Слышу, князь!...  
 Приятны Туркамъ вонь и грязь!  
 Все время носъ въ рукахъ держу,  
 Какъ съ ними въ скупштинѣ сижу—  
 Воняетъ каждый, словно звѣрь!  
 Какая мерзость!... и теперь  
 Меня на рвоту позоываетъ—

<sup>50)</sup> Народное повѣрье—что тернъ и хрѣнъ  
 предохраняють отъ нечистой силы.



Должно быть, кто-нибудь зѣваетъ,  
Иль тухлый свой чубукъ сосетъ...  
Фу, смрадъ какой отъ нихъ несетъ!

(Полночь. Всѣ спать. Кто-то заговорилъ  
во снѣ. Князь Янко и князь Роганъ вста-  
ли посмотрѣть, кто говорить. Оказалось,  
что это Вукъ Мандушичъ).

Князь Роганъ.

Мандушичъ, что ты говоришь?  
Ну, отвѣчай!... чего дуришь?

Князь Янко (*князю Рогану*)

Тссъ!... замолчи!... не разбуди!...  
Ты лучше, вотъ сюда ко мнѣ  
Скорѣй тихонько подойди—  
Вукъ разболтаетъ все во снѣ!  
Давай разспросами займемся!...  
Жалѣть не будешь—посмѣемся!

Князь Янко (*спрашиваетъ  
впомолоса у спящаго Вука Ман-  
душича*)

Эй, Вукъ, чего ты расхотѣлся?  
Зачѣмъ Милоньича зовешь?  
За что ты на него озлился?...  
Кажись, ты ладно съ нимъ живешь!

Вукъ Мандушичъ.

Ни слова я не говорю  
Про ссору съ нимъ—не до того!...  
Невѣстку полюбилъ его,

По ней терзаюсь и горю!

Князь Янко.

Вотъ какъ!... давно?... ну удружи,  
И все намъ толкомъ расскажи!

Вукъ Мандушичъ.

Ахъ, что рассказывать!... нѣтъ силы  
Все передать, какъ я люблю,  
Какъ мучусь я, и что терплю!...  
Она милѣй и краше вилы <sup>51)</sup>  
Она!... охъ, горькая бѣда!...  
Меня сгубила!

Князь Янко.

Гдѣ? когда?

Вукъ Мандушичъ.

Не смѣйся, братъ!... а знаешь что?..  
Не будь Милоньичъ бань <sup>52)</sup> и я  
Давно другъ-другу кумовья—  
Я былъ-бы счастливъ, какъ никто!  
Не нылъ-бы я, не умиралъ!  
Не насмѣхались-бъ и вы!...  
Не пожалѣлъ-бы головы,  
А ужъ увезъ-бы я, укралъ  
Мою голубку

Князь Янко.

Ахъ, чудакъ!...

<sup>51)</sup> Вила—русалка.

<sup>52)</sup> Бань—господинъ, начальникъ.

Совсѣмъ рехнулся ты, юнакъ!

Вукъ Мандушичъ

Увязъ я, братцы, съ головой,  
И, какъ потерянный, хожу!...  
Все на красу мою гляжу,  
На любушку, и самъ не свой!  
Такъ къ ней меня весь день и тя-  
нетъ!...

А засмѣется или взглянетъ,  
Словечко ласково отвѣтитъ—  
Какъ солнце радостью освѣтитъ,  
И голова пойдетъ кругомъ!...  
Тогда ужъ ни о чемъ другомъ  
И думать, братцы, не могу!...  
Охъ, тошно!... ей-же-ей не лгу!...

Недавно привелось мнѣ  
Кипѣть на медленномъ огнѣ,  
И слезы лить и тосковать:  
Зашелъ я къ бану ночевать....

Поднявшись рано поутру,  
Гляжу я—а она къ костру

Пришла откуда-то и сѣла,

И, распустивши волоса,

Какъ соловеюшка, запѣла!...

Съ ума сошелъ я—вотъ краса!...

А голосъ, а лицо, а станъ!...

Смотрѣлъ, смотрѣлъ я, какъ шаль-  
ной!...

И сталъ я, братцы, словно пьянъ,

И самъ не знаю, что со мной!...

Ну, хорошо!... потомъ она,

Подумавъ, вѣрно, что одна,  
Заплакала.... сталъ слушать я...  
По комъ?—по деверѣ Андреѣ!...  
Онъ былъ ей, видно, всѣхъ милѣе!...  
По немъ тоскуетъ вся семья—  
Убить онъ Туркомъ!... ждалъ я,  
ждалъ,

Что, вотъ, замолкнетъ, перестанетъ—  
Такъ нѣтъ, такъ за душу и тянетъ!..  
И самъ, какъ баба, зарыдалъ!

(Князь Роганъ шепчетъ князю Янко: „не спрашивай его больше, ради Бога! а то онъ и невѣсть-что наговоритъ“. Разсвѣтаетъ. Всѣ проснулись и встаютъ).

О б р а д ъ .

Ахъ, что за диво я во снѣ  
Сегодня видѣлъ!... снилось мнѣ,  
Что, будто, всѣ мы, всѣмъ народомъ,  
Идемъ куда-то крестнымъ ходомъ.  
Сначала шли мы по горамъ....  
И вотъ, предъ нами Божій храмъ  
Стоитъ, красуясь средь долины!...  
Сошли мы, будто, со стремнины,  
И сѣли на травѣ рядами;  
Глядимъ—покрытая плодами  
Предъ нами яблоня!... сейчасъ  
Полѣзъ и яблочъ я нарвалъ,  
Самъ ѣлъ, да и другимъ давалъ—  
Всѣхъ перепотчивалъ я васъ!...  
Вдругъ посмотримъ мы, изъ-за рѣки  
Къ намъ Мартиновичи идутъ,

И, будто-бы, съ собой несутъ  
Большую лѣстницу: по ней—  
Кто половчѣй и посильнѣй—  
На церковь лѣзутъ, на верхушку,  
Чтобъ крестъ поставить на макушку...  
Перекрестился я, нагнулся,  
Чтобъ поклониться—и проснулся!

Вукъ Мичуновичъ.

А я рубилъ во снѣ собакъ!...  
Ихъ было, этакъ, пять иль шесть;  
Напали—не уйти никакъ!  
Всѣхъ перебилъ я ихъ, какъ есть!...  
Придется съ Турками подраться!  
Ну, что-жь!... тѣмъ лучше!... радъ  
стараться!

Сердарь Янко.

Какой мнѣ странный сонъ приснил-  
ся!

Мнѣ снилось, что Богданъ женился!..  
И на Турчанкѣ!... до вѣнца  
Ее крестили, а потомъ  
Позвали мы попа съ крестомъ,  
И обвѣнчали молодца.

(Турки недовольные этимъ разговоромъ,  
уходятъ одинъ за другимъ).

Сердарь Вукота.

И я могу похвастать сномъ!  
Успѣхъ великій!... неминучій!...

Мнѣ снился Озро <sup>53)</sup> нашъ могучій!  
Мы, будто, въ Которъ <sup>54)</sup> за виномъ,  
Предъ днемъ святаго Михаила,  
Заторопились, какъ на споръ!...  
Вернулись—весело намъ было,  
Когда дошли до нашихъ горъ.  
Разсѣлись всѣ мы на травѣ....  
Какъ маковъ цвѣтъ на головѣ  
Алѣли капы <sup>55)</sup>.... ружья, токи, <sup>56)</sup>  
Свѣтятся на солнышкѣ, блестяли....  
Стрѣляли мы и пѣсни пѣли....  
Вдругъ—Озро самъ идетъ высокій!..  
За нимъ—умершіе давно,  
Озриничи кричатъ одно,  
Что стыдъ, юнаки, намъ и срамъ  
За то, что мы, вотъ все лѣнимся  
Архангелу построить храмъ!  
Мы слово молвить имъ боимся,  
Притихли всѣ.... я встрепенулся,  
Да съ перепугу и проснулся!

Вукота Мервалевичъ.

И лгать ужъ лучше я не буду—  
Во снѣ что вижу, все забуду!

<sup>53)</sup> Озро—родоначальникъ племени Озриничей, давно умершій.

<sup>54)</sup> Которъ—городъ Каттаро.

<sup>55)</sup> Капа—шапка; дно ея бываетъ обыкновенно краснаго цвѣта.

<sup>56)</sup> Токи—ряды металлическихъ пластинокъ, нашиваемыхъ на верхнемъ платьѣ, на груди.



(Князь Байко и Вукъ Мандушичъ—оба не-веселы, и не хотятъ ничего рассказывать).

Князь Янко.

А ты, князь Байко?

Князь Байко.

Я молчу,

Себя тревожить не хочу!

Мнѣ нехорошее приснилось,

Не разогнать моей тоски!...

Любимое ружье въ куски,

Во снѣ я видѣлъ, развалилось;

Пророчить этотъ сонъ бѣду—

И ужъ теперь навѣрно жду

Покойниковъ!...

Князь Роганъ. (*Вуку Мандушичу*).

Какъ пень торчишь!...

Сидишь, надулся и молчишь!

Вукъ Мандушичъ.

Я, какъ убитый, ночью сплю!

Не помню сновъ, и не люблю!

Князь Роганъ.

Диковина!... а мнѣ не лѣнь

Проговорить о нихъ весь день;

Мнѣ снился Драшко!

Сердарь Радоня.

Хороши!...

Смотрите, сколько здѣсь народу,

А не нашлося ни души,

Кто вспомнилъ-бы про воеводу!...

И какъ здоровы, всѣ кричать!...

Гдѣ Драшко?

Сердарь Вукота.

Деньги получать

Онъ въ Млѣтакъ <sup>57)</sup> ходитъ съ дав-  
нихъ поръ.

Когда визирь—Шенджеръ, въ упоръ,  
Осадой Которъ обложилъ—

Ужъ какъ-же славно удружилъ

Нашъ попъ Степанъ ему!... на сла-  
ву!...

Стрѣльбу изъ пушки, какъ забаву,

Попъ любить, и въ куски разбилъ

Турецкую лубарду <sup>58)</sup>; князь

Степана крѣпко полюбилъ,

И надъ визиремъ посмѣясь,

По сто червонцевъ въ годъ платитъ

Велѣлъ попу; такъ получить

Пошелъ теперь ихъ въ городъ Дра-  
шко;

А самъ Степанъ не можетъ—тяжко  
Ему на старости ходить.

Князь Роганъ.

А что-же, братцы, нашъ обѣдъ?...

Бсть захотѣлось, мочи нѣтъ!

(Приходитъ Драшко, обнимается и цѣлует-  
ся со всѣми, и садится вмѣстѣ съ дру-  
гими).

<sup>57)</sup> Млѣтакъ Венеція.

<sup>58)</sup> Лубарда—стѣнобитная машина.

Князь Роганъ (воеводъ Драшко).

Ты въ Млетахъ, вотъ, сходилъ, юнакъ!  
Каковъ народъ тамъ?... что и какъ?

Воевода Драшко.

Насколько я замѣтить могъ,  
Народъ, какъ и вездѣ—безъ рогъ!

Князь Роганъ.

Ну, да!... извѣстно — не рогать!  
Хорошъ-ли?... бѣденъ?... иль богатъ?

Воевода Драшко.

Есть много всякихъ!... бѣдняковъ  
Тамъ больше, чѣмъ людей богатыхъ;  
А также больше дураковъ,  
Чѣмъ умниковъ и тароватыхъ.  
Богатые, какъ и вездѣ,  
Живутъ безъ горя и заботы;  
А бѣдняки весь день въ трудѣ —  
Нельзя прожить имъ безъ работы;  
И то живутъ на хлѣбѣ скудномъ!...  
Пришлось мнѣ тамъ увидѣть разъ,  
Какъ посадили въ мѣстѣ людномъ,  
За деньги, бабу на показъ!...  
Хоть вѣсила двѣ сотни окъ <sup>59)</sup>  
Та баба, да какой тутъ толкъ?...  
Нѣтъ, видно, заработокъ трудень,  
И мнѣ такой обычай чудень!

<sup>59)</sup> Око—мѣра вѣса, равная тремъ футамъ.

Князь Янко.

А каковы у нихъ дома?

Воевода Драшко.

Огромные!... сойдешь съ ума,  
Какъ въ нихъ вѣкъ цѣлый прожи-  
вешь!

Вездѣ, куда ты ни пойдешь,  
Вездѣ и грязь, и тѣснота!  
Въ лачугахъ—голь и нищита!

Вукъ Мичуновичъ.

Ишь ты!... а какъ тебя встрѣчали?

Воевода Драшко.

До тошноты мнѣ докучали!  
Нельзя мнѣ было отъ зѣвакъ  
По улицѣ пройтти никакъ —  
Разинувъ ротъ, толпой идутъ,  
Слѣдятъ за мной!... а стану—ждутъ!  
Тѣснятъ меня со всѣхъ сторонъ!  
Спасибо, что со мной холилъ  
Гербичича сынъ Зана—онъ  
Вездѣ меня съ собой водилъ.

Вукъ Мандушичъ.

Что, храбрые-ль они юнаки?

Воевода Драшко.

Хоть видѣлъ ссоры я и драки,  
А небольшіе храбрецы!  
Да небольшіе и дѣльцы!  
Хитры, и любятъ полукравить;

Все наровягь другихъ заставить,  
Гдѣ можно, за себя трудиться:  
Беруть Хорвата, Далматинца,  
И, посадивъ на корабли,  
За море шлютъ на край земли—  
Какъ хочешь будь, хоть умирай,  
А имъ богатства собирай!

Сердарь Иванъ.

Ну, такъ!... а справедливъ ихъ судъ?

Воевода Драшко.

Избави Богъ!—нескорь и худъ!  
Вотъ, какъ турецкій!... есть тамъ  
домъ!...

И что-же?... ужасъ!... въ домѣ томъ,  
Какъ звѣри, на цѣпяхъ желѣзныхъ  
Бѣдняги-узники сидятъ!...

Имъ строить корабли велятъ.  
Терзаютъ въ мукахъ бесполезныхъ!

Окончатъ корабли—на воду,  
На море, тѣ суда спускаютъ,  
Но бѣдныхъ плѣнныхъ на свободу

Ни одного не отпускаютъ;  
А заковавши, какъ собакъ,  
Ихъ снова держатъ на цѣпяхъ,  
На тѣхъ-же самыхъ корабляхъ—  
И ужъ уйти нельзя никакъ!...  
Ихъ солнце цѣлый день печетъ,  
Дождь мочить, вѣтеръ ихъ сѣчетъ...

И исходи весь бѣлый свѣтъ,  
Такъ горше этой муки нѣтъ!

А тюрьмы!... въ жилахъ кровь за-  
стынетъ,

Когда, рѣшеніемъ суда,  
Несчастный попадетъ туда—  
Навѣки, какъ въ могилѣ, сгинетъ!...

Онѣ зіяютъ, словно ямы,  
Внизу, подъ дожевымъ дворцомъ....  
Смирится въ нихъ храбрець упрямый,  
Умереть, и дѣло все съ концомъ!

Нельзя у нихъ объ осужденныхъ  
И слово ласково сказать—  
Велятъ тебя схватить, связать,  
Засядешь самъ межъ заключенныхъ!

Однако-жъ я не утерпѣлъ,  
И началъ громко говорить:

«Ужъ лучше-бы, чѣмъ такъ морить—  
Убейте сразу»!... чуть успѣлъ  
Я это вымолвить, меня

Гербичичъ за руку схватилъ:

«Не пережилъ-бы ты и дня,  
И головой-бы заплатилъ  
За прыть свою!... вѣдь злы они!

Молчи!... языкъ угомони!  
Здѣсь правды, братецъ мой, не лю-  
бятъ!»!

Я замолчалъ. Да что!... погубятъ  
Они самихъ себя и царство—  
Накажетъ Богъ ихъ за коварство!

Вукъ Мичуновичъ.

Ну, какъ-же!... Млечане, вѣдь, эти  
Не струсятъ никого на свѣтѣ!



Воевода Драшко.

Да, правда!... всё они гордятся,  
 Что нѣтъ и въ свѣтѣ лучше ихъ;  
 А трусятъ бѣдныя, боятся,  
 Какъ змѣй, доносчиковъ своихъ!  
 Чуть двое гдѣ-нибудь сойдутся,  
 Заговорять о чемъ-нибудь,  
 Сейчасъ-же, ужъ увѣренъ будь,  
 Наушники всегда найдутся—  
 Подслушаютъ, и донесутъ!  
 А если попадешься въ судъ,  
 Такъ изуродуютъ навѣкъ!...  
 Пытають!... сгинетъ человѣкъ  
 Какъ побываетъ въ ихъ рукахъ!...  
 Да, ужасъ тамъ царить и страхъ!  
 Гербичичъ говорилъ, что дожи,  
 И тѣ, доносчиковъ боятся!  
 Что, если судьи сговорятся,  
 Такъ дождь пропаль!... что случай  
 сходнѣй  
 Былъ разъ ужъ—дожу на крыльцѣ,  
 Въ его-же собственномъ дворцѣ,  
 Срубили голову!

Князь Янко.

Бѣда!...

А веселятся-ль тамъ когда?

Воевода Драшко.

Ужъ веселятся!... соберутся  
 Въ огромномъ домѣ и сидятъ—  
 И на полу скамеекъ рядъ,

Да и на стѣны заберутся!  
 Усѣвшись чинно, рѣчь ведутъ,  
 Пока передняя одна  
 Не приподнимется стѣна—  
 Тогда замолкнутъ всё и ждутъ.  
 И вотъ, какъ будто изъ воротъ  
 Толпами высыпалъ народъ....  
 И ну!... давай они кривляются!...  
 Пѣть, танцовать, въ трубу тр. бить!..  
 А гости начали смѣяться,  
 Потомъ въ ладоши стали бить!...  
 Вдругъ кто-то крикнулъ: «эй, по-  
 жарь»!...

И словно громовой ударъ  
 Всѣхъ оглушилъ—и старъ, и малъ,  
 Вскочили, кинулися стадомъ!...  
 Сталь цѣлый домъ кромѣшнымъ  
 адомъ!...

Бѣгутъ, кричать!... а кто упаль,  
 Того давили безъ пощады!...  
 И какъ-же можно ихъ спасти?...  
 До смерти сами были рады  
 Скорѣе ноги унести!...  
 Еще скажу вамъ, да едва-ли  
 Повѣрите такой споровкѣ—  
 Тамъ по натянутой веревкѣ  
 Скакали люди и плясали!

Князь Роганъ.

Ну, это ужъ на смѣхъ похоже!...  
 Они морочили тебя!

Воевода Драшко.

И самъ я, братцы, думалъ то-же,  
И не ручаюсь за себя!

Обрадъ.

Глаза отводятъ!... это вѣрно!  
Вотъ также я слыхалъ, примѣрно,  
Про колдуновъ отъ старика:  
Разъ въ Боку <sup>60)</sup> къ нимъ издалека  
Пришли кудесники... творили  
Такое диво, и при всѣхъ,  
Что слушать разбираетъ смѣхъ!  
Тѣ, кто видали, говорили,  
Что, видно, тутъ не безъ грѣха!...  
Возьмутъ большаго пѣтуха,  
И крикнуть какъ-то разъ, другой....  
Глядятъ—пѣтухъ одной ногой  
Таскаетъ длинное бревно!...  
И что-жь?—смущеніе одно!...  
Минута лишь прошла одна—  
Нѣтъ пѣтуха, нѣтъ и бревна!  
А то еще вотъ—показали  
И дали въ руки виноградъ!...  
Ну, ладно!—всякъ отвѣдать радъ!...  
Да только губы облизали!...  
Гдѣ виноградъ?... нѣтъ ничего!...  
И словно не было его!  
А ужъ послѣднее-то чудо  
И намъ-бы посмотрѣть не худо!  
Кудесники вдугъ заорали:

<sup>60)</sup> Бока Каттарская—городъ.

«Эй, люди!... эй, вода, вода!...  
Бѣгите, а не то бѣда!»—  
Какъ сумасшедшіе, задрали  
Всѣ платье вверху!... давай Богъ  
ноги!...

Нѣтъ отъ воды нигдѣ дороги!...  
И все обманъ, вѣдь!... все обманъ!..  
Такой уже въ глаза дурманъ  
Пустили колдуны народу,  
Что воздухъ приняли за воду!...  
Кудесниковъ побить хотѣли,  
Да тѣ хитры, уйти успѣли!  
И счастье ихъ!... а то-бы имъ  
Не сдобровать тогда самимъ!

Вукъ Мичуновичъ.

А гусли ты видалъ у нихъ?

Воевода Драшко.

Не видѣлъ и слѣда я ихъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Гдѣ гуслей нѣтъ, не слышно пѣсенъ,  
Тамъ люди мертвы!... домъ тотъ тѣ-  
сенъ,

Гдѣ не играютъ, не поютъ!

И мѣдной пары <sup>61)</sup> не даютъ

За жизнь такую....

Сердаръ Радоня (воеводъ Драшко).

Не забудь

<sup>61)</sup> Пара—мелкая мѣдная монета.

Намъ разсказать хоть что-нибудь  
Про князя!... ты видалъ его?

Боевода Драшко.

Видалъ!... нѣтъ легче ничего  
Какъ видѣть князя—какъ тебя!

Сердарь Радоня.

А что, каковъ онъ изъ себя?

Боевода Драшко.

Каковъ?... таковъ, какъ всѣ князья —  
Хорошъ, и похулить нельзя!

Сердарь Радоня.

А какъ зовутъ его?... не знаешь?

Боевода Драшко.

Богъ знаетъ какъ!... все забыва-  
ешь!...

Не диво—имя не одно,  
Такъ и забыть не мудрено!...  
Князь Валіеро....

Сердарь Иванъ.

А про горы,  
Про наши, были разговоры?

Боевода Драшко.

Да какъ-же!... и еще не разъ!  
Гербичичъ, словно на показъ,  
Миѣ къ князю въ домъ придти ве-  
лѣлъ...

Я поклонился, какъ умѣлъ,  
Онъ отвѣчалъ на мой привѣтъ—  
Ну, и пошло!... онъ закидалъ  
Меня распросами, не далъ  
И слова вымолвить въ отвѣтъ!...  
Хвалилъ онъ нашу всю страну;  
Припомнилъ каждую войну,  
Въ которую мы помогали  
Поганыхъ Турокъ колотить;  
И подъ конецъ ужъ сталъ шутить:  
«Что, правда-ль это, иль нагали»  
Онъ говоритъ, «про Босняковъ—  
Что плѣнниковъ они ѣдятъ»?—  
«Ну!...» отвѣчаю я, «наврядъ!...  
У нихъ обычай не таковъ»!  
А онъ опять: «ѣдятъ-ли змѣй»?...  
Какія змѣи?... я, ей-ей,  
Боюсь взглянуть—не то, что ѣсть!  
Вотъ мерзость!... да не перечестъ  
Всѣхъ шутокъ—часть ужъ позабылъ!

Князь Янко.

Такъ онъ съ тобою ласковъ былъ?

Боевода Драшко.

Да, очень ласковъ!... ужъ сверхъ  
силь!

Все, все, чего я ни просилъ,  
Дать обѣщался, а не далъ!  
Вотъ — пороху!... ужъ ждалъ я,  
ждалъ!...

Конечно, обѣщать легко!...



Нѣтъ!... если онъ теперь мнѣ ска-  
жетъ,

Что бѣло козье молоко —  
Такъ не повѣрю!... пусть покажетъ!

Князь Роганъ.

А хорошо-ль они ѣдятъ?

Воевода Драшко.

Мнѣ не понравилось!... сидятъ,  
Какъ сядутъ—это за обѣдъ,  
Часа, пожалуй, два иль три,  
А что ѣдятъ-то, посмотри!...  
Все хлѣбъ да сласти!... мочи нѣтъ!...  
Кусочка мяса не найдешь!  
Вся поголовно молодежь—  
Ужъ безъ зубовъ!...

Вукъ Мичуновичъ.

Да, все они

ѣдятъ лишь лакомства одни!  
Мы въ Которѣ не разъ видали,  
Какъ ловко эти господа  
Курей и яйца поѣдали!  
Смѣшно!... усы и борода  
У нихъ обриты, какъ на смѣхъ!  
Потѣха право!... и какой  
Еще обычай есть у всѣхъ—  
Обсыплютъ голову мукой.  
И ходятъ, чванясь, словно бабы!...  
А какъ ужъ хилы всѣ и слабы!...  
Повѣрить трудно!... если въ гору,  
Иль кто на лѣстницу взойдетъ,

Того гляди, что упадетъ!  
Смѣшно, и жаль ихъ въ эту пору.

(Рѣжутъ жареное мясо, и садятся объ-  
дать. Сердарь Янко спрашиваетъ, чьи это  
зажарены бараны, и внимательно осматри-  
ваетъ плечевую кость; ему отвѣчаютъ, что  
это бараны Мартина Байцы).

Сердарь Янко.

Вотъ такъ плечо!... ищи нарочно,  
Такъ не найдешь такого-жъ точно!  
До чуда, старый, доживешь,  
Увидишь то, чего не ждешь!

Князь Роганъ.

Чего мы держимся?... столба?  
Иль пня лѣснаго?... иль креста?...

Князь Янко.

Да развѣ ты не крестишь лба?...  
Что за разпросы?—не проста!

Князь Роганъ.

Э!... что за диво!... оглодалъ  
Не мало я бараньихъ плечъ,  
А руку дамъ сейчасъ отсѣчь,  
Что вотъ такого—не видалъ!  
Нейдетъ на умъ мнѣ и ѣда!...  
Охъ, ждетъ ужасная бѣда  
Хозяина!... и самого,  
И домочадцевъ всѣхъ его!  
Погибнуть всѣ!... имъ смерть гро-  
зить!...

Какъ громъ неожиданно поразить!...  
Взгляните.

(Всѣ разсматриваютъ эту кость, удивляются, и спрашиваютъ, отъ чьего она барана; оказывается, что она отъ барака Скендѣрь—аги—Медовича).

Князь Янко. (*разсматриваетъ кость*).

Погадаю я,  
Большая тутъ видна семья,  
И много всякаго добра—  
Овецъ, воловъ и лошадей,  
И золота и серебра!...  
Да, хороняся отъ людей,  
Хозяинъ, видно, самъ не глупъ—  
Разсчетливъ очень, даже скупъ!

Вукота Мервалевичъ.

Не правое собранье—прахъ!...  
Не удержать его въ рукахъ;  
Какой ни положи зарокъ—  
Исчезнетъ все, лишь дайте срокъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Вотъ развели!... какъ на бобахъ!  
Эхъ, бабы, бабы!... развѣ-жъ можно  
Гадать о будущихъ судьбахъ?  
Пророчать ваши кости ложно!

Вукота Мервалевичъ.

Ишь ты, мудрецъ какой сыскался!  
Туда-жъ!... еще учить насъ взялся!

А самъ, небось, весь вѣкъ сидѣлъ,  
Да на баранью кость глядѣлъ!

Воевода Батричъ. (*Вуку Лѣше-воступацу*).

Вукъ, видишь?—гусли предъ тобой!  
Спой что-нибудь повеселѣе!  
Нѣтъ ничего для насъ милѣе  
Юнацкой пѣсни!... ну-же, спой!

Вукъ Лѣшевоступаць (*поетъ*).

О Чѣво, Чѣво, <sup>62)</sup> ты покрыта  
Костями павшихъ храбрецовъ!  
И кровью, какъ дождемъ, полита  
Погибшихъ на тебѣ бойцовъ!  
Усѣяли твои уступы  
Гниющіе убитыхъ трупы;  
Надъ ними вѣтеръ, зляся, свищетъ,  
Голодный волкъ въ ущельи рыщетъ,  
И каркаетъ воронья стая,  
Надъ падалью, не уставая!  
Откуда-жъ трупы, тѣ взялись?  
Чьей крови рѣки пролились,  
О Чѣво, средь угрюмыхъ скаль?...  
То Турокъ трупы!... врагъ искаль  
Насъ извести, грозой нахлынулъ—  
Сто тысячъ войска сразу двинулъ!...  
Весь день въ пороховомъ дыму  
Надъ нами пушки грохотали;  
Мы поражать враговъ устали!

<sup>62)</sup> Чѣво—гора.

Нѣтъ, насъ не одолѣть ему! (*перестаетъ пѣть, и оставляетъ цули*).

Воевода Батричъ.

Юнацкой пѣсни сладокъ звукъ!

Уважь, и спой еще намъ, Вукъ!

(Вукъ отвѣчаетъ: „Не умѣю хорошо пѣть, Воевода, такъ ужъ лучше оставь!“ Въ это время послышалась съ поля частая стрѣльба, и раздались громкія пѣсни.)

Воевода Драшко.

Что тамъ закрикъ?... зачѣмъ стрѣляютъ?

Сердарь Янко.

То Турки!... свадьбу, знать, справляютъ!

Изъ Обода невѣста родомъ—

Пируютъ съ тамошнимъ народомъ!

Вукъ Мичуновичъ.

И наши тамъ, небойсь, гуляютъ?

Сердарь Янко.

Да, есть кой-кто!

Вукъ Мичуновичъ.

Ишь ты!... виляютъ!...

И здѣсь и тамъ!... то не юнаки!...

То блюдолизы и собаки!

Князь Янко.

И что за свадьба безъ вѣнца?..

Нѣтъ ни начала, ни конца!

Сердарь Янко.

У нихъ вѣнчанья не бываетъ;

Женихъ знакомыхъ созываетъ,

И по добру, и по здорову,

Къ себѣ невѣсту, какъ корову,

Приводитъ въ домъ!... ну, вотъ и всё!

И свадьба вся!... ни то, ни сѣ!

Князь Роганъ.

Собачій родъ!... весь свѣтъ такъ скажетъ!

Какъ звѣри дикіе живутъ!...

Творятъ, что похоть имъ укажетъ—

Не даромъ поганью зовутъ!

У нихъ коранъ толкуетъ всякъ

По-своему, и такъ и сякъ!

(Въ это время проходитъ свадьба, и гости поютъ.)

Свять Турокъ.

О Герголѣзь, соколье око!...

Взлетѣлъ ты на конѣ высоко

Въ заоблачный небесный край,

Въ пресвѣтлый Магометовъ рай!

Тамъ гуріи тебя плѣнили,

Своей красой отъ насъ сманили—

Не въ силахъ ты отъ нихъ уйти!

Къ тебѣ взываемъ мы!... лети

Къ намъ на конѣ твоёмъ крылатомъ,

Изъ рая на утѣху взятомъ!

Лети съ копьемъ твоимъ, мечемъ,

И съ адскимъ огненнымъ бичемъ!



Какъ молніей мечемъ взмахни  
И стадо Влаховъ разгони!  
Смири ничтожныя ихъ души!  
Они господствовать желаютъ!  
Зазнались; наострили уши,  
И громко на пророка лаютъ!

С в а т ь Ч е р н о г о р е ц ь .

О Маркъ, <sup>63)</sup> нашъ славный воевода!  
Защитникъ нашего народа,  
Хоть былъ ты и слугой турецкимъ!  
Приникни и услышь меня!  
Возсядь на своего коня,  
И шестоперомъ <sup>64)</sup> молодецкимъ  
Хвастливымъ туркамъ пригрози!  
Бей ихъ безъ отдыха и срока!  
Бичливаго Али срази,  
И гурій райскихъ, и пророка!

С в а т ь Т у р о к ь .

О Ильдеримъ, о жезль пророка!  
Какъ много христіанскихъ странъ;  
Отъ запада и до востока,  
Гдѣ не царить еще коранъ!  
Ты можешь всѣ ихъ покорить,  
Сломить невѣрныхъ родъ лукавый,  
И торжествуя пиръ кровавый,  
Страну ихъ кровью обагрить!

<sup>63)</sup> Маркъ Краевичъ — народный серб-  
скій герой, воспѣваемый въ пѣсняхъ; онъ  
помогалъ Туркамъ въ ихъ войнахъ.

<sup>64)</sup> Шестоперъ — булава.

Ты можешь вихремъ проскакать,  
Всѣ земли на твоёмъ конѣ!...  
А ты Фатиму <sup>65)</sup> сталъ ласкать,  
Въ любовномъ распаясь огнѣ.  
Смотри, пророкъ тебя накажетъ!...  
Однако, вѣдь никто не скажетъ,  
Чтобъ ты ничѣмъ не отличился—  
Ты Боснію въ конецъ извелъ,  
Зарѣзалъ, или въ плѣнъ увелъ  
Всѣхъ Влаховъ, кто не потурчился!

С в а т ь Ч е р н о г о р е ц ь .

Обиличъ <sup>66)</sup> огненный нашъ змѣй!  
Кто на тебя, юнака, взглянетъ,  
Тотъ самъ юнакомъ станетъ!—  
Чаруешь доблестью твоей!  
Хвала тебѣ, нашъ славный князь!...  
Коня, доспѣхи снаряжаешь,  
Безъ счету Турокъ поражаешь,  
И Магомета топчешь въ грязь!

С в а т ь Т у р о к ь .

Держи Али, хватай дѣвицу!  
Домой уйти ей не давай!  
Какъ сизый соколъ яребицу <sup>67)</sup>  
Гони ее, не отставай!  
Тебѣ, вѣдь, стыдно, соколъ, будетъ,  
Когда она изъ рукъ уйдетъ;  
Твоя охота пропадетъ! ..

<sup>65)</sup> Фатима — имя невѣсты.

<sup>66)</sup> Обиличъ — Милошъ, — зять царя Лазря.

<sup>67)</sup> Яребица — куроцатка.

Ее своей—восторги рая  
Узнаетъ онъ, не умирая.

С в а т ь Ч е р н о г о р ц ь .

Не любитъ соколъ прахъ равнинъ,  
И не садится въ грязь болота!...  
Какая-же ему охота  
Съ лягушкой жить!... среди стремнинъ  
Заоблачнымъ онъ обитаетъ!  
Онъ ищетъ птицу яребицу,  
Иль молодую голубицу,  
И съ ней въ гнѣздо къ себѣ взлетаетъ.

С в а т ь Т у р о к ь .

Считай часы, женихъ счастливый,  
Спѣша съ невѣстой въ домъ къ себѣ!..  
Кто не завидуетъ тебѣ?  
Не испугаетъ взоръ ревнивый  
Соперника—онъ не придетъ  
Твои восторги нарушать!...  
Тебя сегодня счастье ждетъ,  
Ничто не можетъ помѣшать!

В о е в о д а С т а н к о .

Слыхали-ль вы, что Турки пѣли?  
Насмѣшка эта, вѣдь, одна!  
И какъ могли, и какъ посмѣли,  
Они святые имена  
Милѡша Марка осквернить!...  
Съ Али какимъ-то ихъ сравнить!  
Они забыли всякій страхъ!  
Нѣтъ, стала шанка вся въ дырахъ!..

Женихъ невѣсты не добудетъ!

(Выходитъ Мустай-кадія, и проситъ молодежь перестать пѣть такія пѣсни при проходѣ мимо Черногорцевъ, потому что пѣсни эти могутъ быть обидны для главарей. Мустай-кадія проситъ пѣть свадебныя пѣсни, и самъ запѣваетъ)

М у с т а й К а д і я .

Не плачь по дочерѣ любимой,  
Не убивайся за Фатимой,  
А радуйся, родная мать!  
Вѣдь, дочь твоя не умерла!  
Голубкѣ удалось поймать,  
Взять въ плѣнъ могучаго орла!  
Женихъ красавицу-дѣвицу  
Лелѣять будетъ, какъ зѣницу.  
И какъ ее не полюбить?  
На вѣки можетъ погубить,  
Околдовать ея краса!...  
Вѣнцомъ роскошнымъ волоса  
Вокругъ чела благоухаютъ!  
А очи?... то звѣздой горятъ,  
То искрятся и потухаютъ!...  
Изъ алыхъ устъ жемчужный рядъ  
Сверкаетъ снѣжной бѣлизной!..  
А станъ, красуясь, прямизной  
Поспоритъ смѣло съ пальмой гибкой!..  
Съ ума сведетъ одной улыбкой!...  
Пойдетъ—какъ лебедь поплыветъ!...  
А засмѣется, или взглянетъ—  
Какъ солнце въ облакахъ проглянетъ!..  
Счастливецъ тотъ, кто назоветъ

Пора иное имъ запѣть—  
Не хватить силъ у насъ терпѣть!

Вукъ Мандушичъ.

Зачѣмъ-же наши къ Туркамъ ходятъ?  
Къ чему знакомство съ ними водятъ?

Вукъ Мичуновичъ.

Кто наши?.. это подлецы,  
Мерзавцы, прихвостни, лстецы!  
Нѣтъ ничего на свѣтѣ гаже  
Ихъ, гнусныхъ!.. хуже Турокъ даже!  
Туда-жь!.. за Турками таскаюсь,  
Еще поютъ, какъ псы ласкаюсь!

Богданъ Джурашквичъ.

Они надъ нами потѣшались!..  
Всѣ пѣсни ихъ—для насъ обида!..  
Мы отъ досады задыхались!..  
И самъ Мустай, вѣдь, лишь для вида,  
Насмѣшки ихъ остановилъ;  
Вотъ, такъ лисица!.. удивилъ!  
Куда на выдумки остеръ!  
Увертливъ, словно бѣсъ, хитеръ;  
Юлить, а не найдешь такого  
Врага Кресту, какъ онъ, другаго!

(Свадьба прошла. Немного погода послушался плачь сестры Батрича; она подходитъ вся въ слезахъ, и причитываетъ по умершемъ братѣ).

Сестра Батрича.

Куда вспорхнулъ и улетѣлъ

Мой соколъ ясный!  
И опечалить захотѣлъ  
Твой родъ несчастный!

Тебя довѣрчивость сгубила,  
Моя отрада!  
Змѣя турецкая убила!..  
Исчадье ада!

Рѣкой бѣжитъ моя слеза,  
Шумитъ, какъ море!  
И ѣсть печаль мои глаза,  
Слѣпитъ ихъ горе!

Осиротилъ твою семью—  
Отца Петра!  
Клянупь теперь я жизнь мою,—  
Твоя сестра!

Оставилъ бѣдную жену,  
Дѣтей твоихъ!  
Оставилъ не ее одну—  
Сиротъ двоихъ!

Кто поведетъ дружину въ бой  
Въ кровавой сѣчѣ?  
Кто всѣхъ погонитъ предъ собой  
При вражьей встрѣчѣ?

Кто есть у насъ такой другой,  
Какъ ты, родимый?..  
О братъ мой, братъ мой дорогой,  
Мой братъ любимый!



Ты былъ у насъ и всѣхъ сильнѣй,  
И всѣхъ храбрѣй!  
Ты былъ у насъ и всѣхъ умнѣй,  
И всѣхъ добрѣй!

О какъ-же мнѣ тебя забыть,  
Моя звѣзда!  
Нѣтъ, вѣкъ мнѣ сиротою быть,  
Стенать всегда!

Мнѣ не слышать твоихъ рѣчей—  
Роднѣй ихъ нѣтъ!  
Мнѣ не видать твоихъ очей—  
Потухъ ихъ свѣтъ!

Мнѣ не чесать твоихъ кудрей—  
Не цѣловать!  
Ихъ счастьемъ, радостью своей—  
Не называть!

Убить мой милый въ цвѣтѣ лѣтъ!..  
Охъ, горько, тяжко!..  
Погибъ теперь нашъ старый дѣдъ,  
Нашъ бѣдный Байко!

(Всѣ главари плачутъ. Сестра Батрича  
стоитъ обнявшись съ дѣдомъ — княземъ  
Байко; вдругъ она выхватываетъ у него  
изъ-за пояса ножъ, закалывается, и пада-  
етъ мертвая. Князь Байко безъ чувствъ па-  
даетъ возлѣ внучки).

Вукъ Томановичъ.

О Боже!.. Милосердый Боже!  
За что-же это намъ?... за что-же?

Вукъ Мичуновичъ.

Охъ, Господи!.. охъ, горькій часъ!  
Погибнемъ всѣ, помилуй насъ!

Князь Роганъ.

Восьмой десятокъ лѣтъ живу!..  
И ни во снѣ, ни на яву,  
Такой юнацкой головы,  
Какъ Батричь, не видали вы!

Вукъ Томановичъ.

И правда, князь!.. весь свѣтъ прой-  
дешь,

А ужъ такого не найдешь!  
А прыгалъ какъ!.. стрѣлой взовьется!..  
Такъ съ мѣста птицей и вспорхнетъ!  
Десятокъ саженой махнетъ—  
Не упадетъ и не споткнется!

Вукъ Мичуновичъ.

Да, братцы, горы не видали  
Еще такого молодца;  
Подобнаго ему бойца  
И Черногорки не рождали!  
Не разъ ходили мы съ нимъ въ сѣчу,  
Не разъ бывали съ нимъ въ бѣдѣ,  
Но Батричь не робѣлъ нигдѣ,  
Безстрашно смерти шелъ навстрѣчу!..  
Такихъ, какъ онъ, межъ нами нѣтъ!  
А молодъ какъ!.. вѣдь двадцать лѣтъ  
Едва онъ отъ роду имѣлъ,  
А какъ враговъ разить умѣлъ!

Вукъ Томановичъ.

Скажу, не тратя лишнихъ словъ:  
Не меньше двадцати головъ  
Успѣлъ уже скосить турцеихъ!..  
А всѣхъ поступковъ молодецкихъ—  
Ей-ей, и въ день не перечестъ!..  
Да, врядъ ему подобный есть!

Воевода Батричъ.

И какъ онъ Туркамъ могъ повѣрить!  
Какъ онъ рѣшился къ нимъ пойти?

Вукъ Томановичъ.

Да онъ зашелъ къ нимъ по пути!..  
Самъ не умѣлъ онъ лицемѣрить  
И Туркамъ вѣрилъ, какъ своимъ.  
Проклятая собака эта,  
Чаровичъ сжилъ его со свѣта—  
Вѣдь Батричъ все водился съ нимъ!

Сердарь Янко.

А бѣдная семья!.. что съ ней?

Вукъ Томановичъ.

Что?.. ей одинъ Господь поможетъ!  
Оставилъ малыхъ сыновей;  
Такъ малы, что одинъ не можетъ  
Другому и воды подать!..  
Чего-жь теперь бѣдняжкамъ ждать?

Князь Янко.

А сколько братьевъ у него?

Вукъ Томановичъ.

Всѣхъ семеро—до одного  
Всѣ схожи съ нимъ!

Князь Янко.

А мстить хотятъ?

Вукъ Томановичъ.

Эхъ, князь!.. а если отомстятъ?  
Не воскресятъ, вѣдь...

Князь Янко.

Что?.. отомстить—

Вѣдь, все равно, что освятить!..  
Охъ, жаль мнѣ Батрича отца!  
Жаль мнѣ и сына молодца!  
Но больше всѣхъ—сестры мнѣ жаль!  
Вотъ скорбь!.. вотъ лютая печаль!..

Сердарь Янко.

Здѣсь роковое что-то есть!..  
Она, бѣдняжка, не могла  
Потери брата перенести!  
Печаль ей сердце все сожгла!

Князь Роганъ.

Вотъ довелось на что смотрѣть!..  
Ахъ, лучше-бъ всѣмъ намъ умереть!..  
И какъ-же, вѣдь, не убиваться!  
Небойсь, никто не позабылъ,  
Какой красавецъ Батричъ былъ!..  
И какъ умѣлъ онъ одѣваться!



Дородный, статный и высокій,  
 Какъ дубъ былъ крѣпокъ, и до плечъ  
 Чернѣютъ кудри!.. блещутъ токи!..  
 Въ серебряной оправѣ мечъ!..  
 За поясомъ два пистолета,  
 И капа алая надѣта!..  
 Онъ предо мною, какъ живой!..  
 Какъ вспомню—стану самъ не свой!

(Главари сидятъ близъ большаго гумна;  
 приходятъ Озриничи, Цуцы и Бѣлицы <sup>68</sup>) съ  
 длинными ружьями на плечахъ, и садятся  
 съ главарями).

С е р д а р ь В у к о т а.

Добро пожаловать!.. куда вы  
 Собрались съ ружьями, юнаки?  
 Не на войну-ль?.. не вышло-ль драки?  
 Не носитьъ ружей для забавы!

В о й н и к ь.

Хоть драться намъ и не пригоже,  
 А вышло, что на то похоже!

Другой войникъ (*Попу Михаилу*).

Подай-ка, попъ, письмо твое!  
 Пускай прочтутъ!.. мы помолчимъ;  
 Вѣдь не поймутъ, какъ закричимъ  
 Всѣ разомъ—всякій про свое.

(Попъ Михаилъ падаетъ письмо Владыкѣ  
 Данилу. Владыка разсматриваетъ его, и  
 молчитъ).

<sup>68</sup>) Названіе племень.

Князь Янко (*показывая на письмо*).  
 Владыка, прочитай его!

В л а д ы к а Д а н и л ь.

Не разберу тутъ ничего!

(Владыка отдаетъ письмо князю Янко, что-  
 бы тотъ возвратилъ его попу).

К н я з ь Я н к о (*разсматриваетъ  
 письмо*).

Ахъ, чтобъ тебя!.. что за писанье!  
 Куриной лапой нацарапалъ!  
 Кого-нибудь за наказанье  
 Читать заставить; вотъ настряпалъ!

(Всѣ смѣются, Князь Янко отдаетъ письмо  
 попу Михаилу).

Не прочитаешь, хоть умри!  
 Возьми-ка самъ, братъ, разбери!

(Попъ Михаилъ беретъ письмо, долго раз-  
 сматриваетъ его, и начинаетъ читать).

П о п ь М и х а и л ь.

. . ум . . . . дамъ . . . . амъ ..  
 . . ба . . . . му . . . . но....  
 . . но . . . . та . . . . ра...

В у к ь М и ч у н о в и ч ь.

Прочелъ!.. какъ саблюю отсѣкъ!  
 Все поняли!.. вотъ отличился!  
 Ты, попъ, ученый человекъ!  
 И гдѣ ты этакъ научился?



Попъ Михаилъ.

Не смѣйся, Вукъ, какъ я умѣлъ,  
Такъ и прочемъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Ну, братъ, ты смѣлъ!..  
Будь поумнѣе твой приходъ—  
Немного ты набралъ-бы въ годъ!

Попъ Михаилъ.

Они и безъ тебя не глупы!—  
Самъ знаешь, какъ на жертвы скупы!

Вукъ Мичуновичъ.

Ну, не сердись!.. напрасно тужишь!..  
А какъ ты, попъ, обѣдню служишь?

Попъ Михаилъ.

Какъ?—наизусть, безъ всякихъ книгъ!..  
Обѣдню-ли служу, вѣнчаю,  
Крещу-ли я—всѣ требы вмигъ  
И начинаю, и кончаю!

Князь Янко.

Вотъ такъ юнакъ!.. пройди весь свѣтъ —  
Такого не было, и нѣтъ!

(Всѣ смѣются, и громко разговариваютъ.)

Сердарь Вукота (*пришедшимъ  
войникамъ*).

Да расскажите-жъ ваше дѣло!  
Болтать ужъ, право, надо!ло!

Войникъ.

Разскажемъ!.. ужъ, сердарь, дѣла!  
Не приберешь для нихъ и слова!  
Чтобъ ихъ нелегкая взяла!..  
Еще отъ самага Косова  
Собаки—Турки насъ тѣснятъ,  
И поганью своей сквернятъ!..  
Изъ Бара <sup>69)</sup> къ намъ одна вѣдунья  
Повадилась ходить—колдунья  
Посѣяла у насъ раздоръ:  
Больныхъ лечила, разговоръ  
Отъ пули знала и давала,  
Пророчила и колдовала;  
Вотъ тутъ и вышелъ съ нею грѣхъ!..  
Бѣда, какъ есть, постигла всѣхъ,  
Кто только съ нею ни водился!  
До смерти весь народъ озлился!  
Избави Богъ, какія ссоры  
Изъ этого произошли!..  
Такъ вотъ мы съ этимъ и пришли—  
Не разберете-ль наши споры?  
Не то—мы, въ бѣшенствѣ своемъ,  
Еще другъ друга перебьемъ!

Вукъ Мичуновичъ.

Вотъ звѣри-то!.. сошли съ ума!  
А гдѣ-жъ колдунья-то сама?

Войникъ.

Она пришла сюда за нами,  
Поговорите съ нею сами!

<sup>69)</sup> Баръ—городъ Антивари.

(Подходить старуха-колдунья).

Князь Янко (*старуха*).

Ты вправду вѣдьма?... или озлясь  
Болтають люди?

Старуха.

Вѣдьма, князь!

Князь Янко.

Да какъ-же сдѣлалась ты ею?

Старуха.

А такъ!... охотою своею!  
Есть травы разныя на свѣтѣ...  
Какія?—ни за что не скажемъ!  
Мы варимъ вмѣстѣ травы эти,  
И ими тремъ себя и мажемъ!

Князь Янко.

Диковина!.. ну, а потомъ?

Старуха.

А послѣ на гумнѣ пустомъ  
Сберемся ночью, и летимъ,  
Гурьбою всѣ, куда хотимъ!..  
Летаемъ долго!.. а вернемся —  
Лисицей, волкомъ обернемся,  
И бѣгаемъ!...

(Всѣ кричатъ).

Да что ты врешь!  
Вотъ понесла!... не разберешь!

Старуха.

Ей-ей не лгу!.. и что мнѣ врать!  
Покаюсь—легче умирать!

Князь Янко.

Эй, не дури!.. вѣдь мы не дѣти!..  
Да есть-ли вправду вѣдьмы эти?

Князь Роганъ.

Есть, князь!... съ рогами!... и какъ  
взглянуть—  
Орла съ-подъ-облаковъ достануть!

Вукъ Мичуновичъ.

Скажи, Владыка, ласковъ будь,  
Читалъ-ли ты когда-нибудь  
О вѣдьмахъ въ книгахъ?

Владыка Даниилъ.

Не шутя—

Ты легковѣренъ, какъ дитя!  
Какія вѣдьмы?... что за вздоръ?..  
Все бредни!.. бабій разговоръ!  
Нѣтъ, видно, дѣло тутъ нечисто—  
Ужъ очень баба лжетъ рѣчисто!

Всѣ главаряи.

Старуха, правду говори!  
Покайся, а не то—смотри!..  
Народъ озлился не на шутку—  
Убьютъ тебя въ одну минутку!  
(Старуха испугалась и дрожить отъ страха).



Старуха.

Охъ, Господи!.. охъ, вся дрожу!  
Все-все, какъ на духу скажу!

Князь Янко (со смѣхомъ, попу  
Михаилу).

А жаль, что нѣтъ съ тобою книгъ—  
Ты могъ-бы исповѣдать вмигъ!

(Обращаясь къ старухѣ.)

Ну, что-жь?.. здѣсь спуску не даютъ!  
Не скажешь—каменьями побьютъ!

Старуха.

Охъ, Боже мой, сейчасъ, сейчасъ!..  
Все расскажу! . пришелъ кавасъ... <sup>70)</sup>  
Къ визирю въ Скадръ <sup>71)</sup> меня по-  
звалъ...

Визирь откуда-то узналъ,  
Что вы рѣшились извести  
Всѣхъ потурчанниковъ своихъ—  
Онъ и велѣлъ мнѣ къ вамъ идти!..  
«Ступай»,—сказалъ, «смуди ты ихъ!..  
Поссорь ихъ какъ-нибудь; они—  
Безъ головы въ такіе дни!  
И слушай!.. если не сумѣешь  
Обдѣлать дѣла, иль посмѣешь  
Солгать мнѣ—вѣрою моей  
Клянусь, что внуковъ, сыновей,  
Весь домъ твой—всѣхъ живьемъ сожгу!»

<sup>70)</sup> Кавасъ—полицейскій служитель.

<sup>71)</sup> Скардъ—городъ Скутари

Такъ и сказалъ!.. ей-ей не лгу!

(Народъ схватилъ камень, чтобы побить  
старуху, но главари не допустили до этого,  
и спасли ее)

(Всѣ разошлись по домамъ; только нѣко-  
торые главари остались въ Цетиньѣ, чтобы  
окончить совѣщаніе о дѣлахъ).

Вечерь. Главари сидятъ около огня. Вос-  
ходитъ луна съ красноватымъ отблескомъ;  
чувствуется сильное землетрясеніе. Прихо-  
дитъ старый и слѣпой игумень Стефанъ.

Князь Роганъ.

Отецъ игумень!

Землетрясенье насъ смущаетъ!  
Скажи, что это предвѣщаетъ?

Игумень Стефанъ.

Кто можетъ Божьи чудеса  
Проникнуть?

Князь Роганъ.

Вотъ на небеса

Всплываетъ изъ-за-тучъ луна!..  
Чего она, какъ кровь, красна?

Игумень Стефанъ.

Не знаю я, сынокъ, не знаю!..  
На небѣ Всемогущій Богъ  
Тьмы темъ прекрасныхъ звѣздъ воз-  
жегъ—

А я ихъ только вспоминаю!..  
Давно мои потухли очи,  
Темно мнѣ, какъ во мракѣ ночи!



(Всѣ стихли. Игумень перебираеть четки).

Князь Янко.

Отецъ Игумень! ты всегда  
Перебираешь четки?

Игумень Стефанъ.

Да!

Князь Янко.

Онѣ тебѣ не надоѣли?  
Должно быть пальцы заболѣли!

Сердарь Янко (*князю Янко*).

Ты, князь, все шутишь!.. замолчи!

(Обращаясь къ игумену Стефану).

Святой отецъ!.. ты научи,  
Наставь насъ, грѣшниковъ, на путь,  
Иль расскажи намъ что-нибудь!  
Бто не слыхалъ твоихъ рѣчей,  
Не догадается вовѣкъ,  
Какой ты мудрый человекъ!..  
Ты видишь все и безъ очей!

Игумень Стефанъ.

Зачѣмъ-бы я и приходилъ!  
Не мало мнѣ Господь судилъ  
Возжечь на алтарѣ свѣчей!..  
Ахъ, если-бъ отъ моихъ рѣчей  
И въ вашемъ сердцѣ возгорѣлось  
Святое пламя чистой вѣры!  
Я былъ-бы счастливъ выше мѣры!..  
Ахъ, какъ-бы этого хотѣлось!

(Всѣ кричать: „говори, говори, святой  
отецъ! мы всѣ готовы слушать хоть до по-  
луночи“.)

Игумень Стефанъ.

Восьмой десятокъ лѣтъ живу  
На бѣломъ свѣтѣ, но съ тѣхъ поръ,  
Когда навѣкъ потухъ мой взоръ,  
Я жизнью жизнь не назову!  
Какъ огонекъ въ пещерѣ тлѣеть,  
То гаснетъ, то опять свѣтлѣетъ,  
Такъ въ дряхломъ тѣлѣ старика  
Жизнь еле теплится слегка!  
Не мало я бродилъ по свѣту,  
Немало испыталъ чудесъ!..  
Видалъ я также землю эту,  
Гдѣ жилъ, страдалъ и гдѣ воскресъ  
Спаситель нашъ!.. томясь вздыхалъ  
Я на горѣ, гдѣ услышалъ  
Изъ устъ Священныхъ предсказанье  
О гибели Иерусалимъ!..  
Свершилось Божье наказанье!  
Небесный судъ неумолимъ!  
Тѣ ясли я, ничтожный, видѣлъ,  
Гдѣ Богъ младенцемъ возлежалъ!  
Молился, плакалъ и дрожалъ,  
Терзался я—возненавидѣлъ  
Свою грѣховность въ томъ саду,  
Гдѣ злымъ Іудою суду  
Безгрѣшный выданъ Судія!..  
Все, недостойный, видѣлъ я!..  
И что-жъ?.. надъ этою святыней,  
Надъ колыбелью христіанства,

Возносится, въ слѣпой гордынѣ,  
Власть грѣшная магометанства!..  
О злое торжество мамона!..  
На мѣстѣ храма Соломона  
Стоитъ теперь мечеть Омара!  
Не избѣжалъ судьбы удара,  
Томится въ рабствѣ и Царьградъ!  
Святая Софія—что нынѣ?..  
На ней, на всей твоей Святынѣ—  
Печать ислама, грязь и смрадь!..  
Да, на землѣ ничто не вѣчно!..  
Все тлѣнъ, все прахъ, все скоротечно!  
Вотъ солнце!.. землю обѣгаетъ!..  
И гдѣ лишь свѣтъ, тепло, прольетъ,  
Тамъ жизнь ключомъ сейчасъ забьетъ—  
А и оно подъ-часъ сжигаетъ!..  
О жизнь земная, жизнь людская!  
О злой законъ слѣпой судьбы!  
Ты мучишь насъ не отпуская,  
Мы вѣчные твои рабы!  
Вотъ тайна!.. кто ее постигнетъ?  
Никто!.. въ ней что то роковое!..  
Предъ ней безсильно все живое,  
Молчитъ—и головой поникнетъ!..  
Все, повинуюся судьбѣ,  
Живетъ, терзаяся въ борьбѣ!  
Всему живущему даны  
Орудія труда, войны:  
То сила мышцъ, то рѣзвость когъ,  
То острый зубъ, то крѣпкій рогъ,  
То клювъ, то сильное крыло,  
Чтобъ все спасти тебя могло...

И средь борьбы той повсемѣстной,  
Какой-то силы неизвѣстной,  
Живительной, царить законъ—  
Отъ гибели спасаетъ онъ!..  
Мужъ защищаетъ женъ, дѣтей!..  
Не знаетъ ничего народъ  
Дороже родины своей—  
Умретъ за свой законъ и родъ!  
Что человѣкъ?.. что за созданье  
Ничтожное онъ на землѣ!  
Какое терпѣть онъ страданье,  
Погрязши въ бѣдствіяхъ и злѣ!  
А безъ него, безъ дѣль его—  
Земля не значить ничего!..  
О, честь и доблесть!.. изъ обломковъ  
Вѣковъ прошедшихъ, для потомковъ,  
Звѣздой горите лучезарной!..  
И въ памяти ихъ благодарной,  
И въ пѣснѣ, и въ любви сердечной,  
Озарены вы славой вѣчной!  
Скажу я безъ лицепріятья,  
Что въ знаменательное время  
Пришлось на свѣтѣ жить вамъ,  
братья—  
Васъ не забудетъ наше племя!  
Большая ждетъ васъ перемѣна,  
Большой грозитъ переворотъ!..  
Крамора насъ грызетъ!.. измѣна  
Нашъ бѣдный разѣдастъ родъ!  
Что Боснія, Герцеговина,  
Албанія?.. вѣдь половина  
Тамъ нашихъ братьевъ и сестеръ!..  
8



Враждебный рокъ свою десницу  
 Надъ нами въ гнѣвѣ распростеръ!..  
 Когтитъ, какъ соколъ голубицу!..  
 Безъ жалости на смерть разить!  
 Вамъ безпощадная грозитъ,  
 Съ своими и съ чужими, битва,  
 А помощь ваша—лишь молитва!  
 Мужайтесь!.. ждуть теперь спасенья  
 Отъ васъ народность, честь и вѣра!..  
 Вамъ не поможетъ полумѣра!..  
 Безъ смерти—нѣтъ и воскресенья!...  
 Я предрекаю вамъ успѣхъ!..  
 Надеждою душа трепещетъ!..  
 Я чую—солнцемъ крестъ заблещетъ  
 Надъ нами, осѣняя всѣхъ!

(Всѣ заснули. Одинъ игумень сидитъ цѣ-  
 лую ночь возлѣ окна, и молится, переби-  
 рая четки. Разсвѣтаетъ. Всѣ встаютъ, бе-  
 рутъ ружья, и уходятъ домой, удивляясь  
 тому, что старый игумень не спалъ всю  
 ночь; передъ уходомъ каждый цѣлуетъ у  
 игумена руку).

### Сердарь Иванъ.

Отецъ игумень, ты не слѣпъ!  
 Ты понимаешь все яснѣе,  
 Чѣмъ зрячіе!.. ты всѣхъ умнѣе!..  
 Не даромъ ѣлъ на свѣтѣ хлѣбъ!

### Сердарь Вукота.

А нашъ сердарь Нѣгошскій?.. что-жь?..  
 Съ отцомъ игуменомъ, вѣдь, схожь!  
 Вѣдь также слѣпъ онъ!.. и рѣкой

Шумить и льется рѣчь слѣпца!  
 У нихъ у всѣхъ ужъ даръ такой!..  
 И отъ начала до конца  
 Слѣпецъ душою погруженъ  
 Въ себя и въ то, что говоритъ—  
 Рѣчь такъ и пышетъ, и горитъ!  
 Не такъ у зрячихъ!.. окруженъ  
 У нихъ то тѣмъ, то этимъ глазъ—  
 Вотъ и сбивается разговоръ!

### Воевода Батричъ.

А я вамъ рассказать хотѣлъ,  
 Какой я видѣлъ сонъ чудесный!..  
 Мнѣ снилось, что Милошъ летѣлъ  
 Черезъ Цетинье!.. Царь Небесный!..  
 Обиличъ молніей блисталъ,  
 На бѣломъ пронесся конѣ!..  
 И что за радость это мнѣ!  
 Какъ въ праздникъ я сегодня всталъ!  
 (Другіе Черногорцы также рассказываютъ  
 другъ другу сны свои, и всѣ говорятъ одно  
 и то-же, что имъ снился Милошъ Обиличъ;  
 радуясь этому, какъ самому лучшему пред-  
 знаменованію, всѣ идутъ въ церковь при-  
 нять присягу въ томъ, что будутъ сра-  
 жаться съ потурчанниками. Входятъ въ  
 церковь. Вукъ Мичуновичъ снимаетъ съ  
 головы шаль; всѣ берутся за нее руками,  
 и становятся въ кругъ).

### Владыка Данилъ.

Князь Николай, ты на границѣ!..  
 Ты знаешь, что твоей Цермницѣ<sup>72)</sup>

<sup>72)</sup> Цермница—округъ на рѣкѣ того-же  
 имени.



Приходится врага встрѣчать!  
 Подумай, прежде чѣмъ начать!..  
 Размысли—можно-ли тебѣ  
 Присягу выполнить въ борьбѣ?

Князь Николай.

Владыка, братья Черногорцы!  
 Хотя мало на Цермницѣ насъ,  
 Но не отстанемъ мы отъ васъ—  
 Мы всѣ за вѣру ратоборцы!  
 Блянусь!.. я съ радостью готовъ  
 И жизнь отдать за Крестъ Христовъ!  
 Измѣны мнѣ не пережить!..  
 Пусть на Цетиньѣ выстрѣлъ грянетъ—  
 Никто изъ нашихъ не отстанетъ,  
 Сумѣемъ головы сложить!

(Сердарь Янко говоритъ: „хотя и нельзя ожидать измѣны, а все лучше утвердить присягу клятвой. „Вукъ Мичуновичъ обращается къ сердарю Вукотѣ: „заклинай ты сердарь, а мы всѣ скажемъ—аминь!“)

Сердарь Вукота.

Внемлите клятвѣ и божбѣ!..  
 Да будетъ тотъ благословенъ,  
 Навѣки чтимъ и незабвенъ,  
 Кто въ предстоящей намъ борьбѣ  
 Искоренить враговъ сумѣетъ!  
 О Боже! порази того—  
 Жену, дѣтей, весь домъ его—  
 Кто братьямъ измѣнить посмѣетъ!  
 Пускай горитъ подъ нимъ земля,

И день предъ нимъ, какъ ночь, чер-  
 нѣетъ!

Пусть громъ побьетъ его поля!  
 Пусть онъ, злодѣй, окаменѣетъ!  
 Проклятемъ пусть поражена  
 Навѣкъ его могила будетъ!  
 Пусть имя Серба позабудетъ!  
 Пусть каждый разъ его жена  
 Родитъ страшилище, урода!  
 Измѣнникъ, какъ Бранковичъ Вукъ—  
 Пусть будемъ ужасомъ народа!  
 Пусть отъ своихъ погибнетъ рукъ!  
 Пускай, баднякъ приготовляя,  
 Его слезами обольетъ!  
 Пусть всякъ въ лицо ему плюетъ!  
 Пусть, Имя Крестное справляя,  
 Родныхъ созвавши и гостей,  
 Своихъ-же собственныхъ дѣтей  
 Зарѣзавши, спечетъ и съѣстъ!  
 Пусть, поругавши честный Крестъ,  
 И позабывши Божій страхъ,  
 Исчезнетъ, развалившись въ прахъ!

(Всѣ кричатъ: „аминь!“ выходятъ изъ цер-  
 кви, и отправляются домой).

Ночь наканунѣ праздника Рождества Хри-  
 стова. Владыка Даниилъ и игумень Сте-  
 фанъ сидятъ у огня, а мальчишки пригото-  
 вляютъ баднякъ, и кладутъ его на огонь.

Игумень Стефанъ (*мальчккамъ*).

А что-жъ баднякъ?.. мы ждемъ его!  
 Не позабыли-ль вы чего?

## М а л ь ч и к и.

Нѣтъ, ничего не позабыли!  
 Виномъ, какъ слѣдуетъ, облили,  
 Потомъ обсыпали пшеницей!

Игуменъ Стефанъ.

Такъ дѣло стало за здравицей?..  
 Ну, ладно!.. подавайте-жь чашу!..  
 Да добрую, не меньше ока!..  
 Въ честь праздника, и въ радость нашу,  
 Не пить—я не давалъ зарока!

(Подаетъ чашу вина игумену Стефану; онъ,  
 проговоривши здравицу, выпиваетъ полную  
 чашу).

Игуменъ Стефанъ.

Благословенны святки эти!  
 Подайте-ка мнѣ гусли, дѣти!  
 Прости мнѣ, Боже!.. я, старикъ,  
 Давно ужъ къ этому привыкъ!

(Мальчикъ подаетъ ему гусли).

Игуменъ Стефанъ (*играетъ на  
 гуслихъ и поетъ*).

Не милъ и свѣтъ намъ безъ очей!..  
 Святая ночь подъ Рождество,  
 Ты мнѣ милѣе всѣхъ ночей!  
 Встрѣчалъ я это торжество  
 Въ церквахъ при колокольномъ звонѣ,  
 И въ Кіевѣ, и на Афонѣ,  
 И въ Виолеемѣ,—отчего  
 Мнѣ дома радостнѣй всего?..  
 Трепещетъ сердце у меня,

Когда, усѣвшись у огня,  
 Я слышу, какъ баднякъ родной  
 Трещитъ, пылаетъ предо мной!..  
 Какъ съ дѣдомъ сыновья и внуки,  
 Соединивши въ коло руки,  
 Играютъ, пляшутъ и поютъ!..  
 Какъ всѣ другъ друга поздравляютъ,  
 И веселятся, и стрѣляютъ,  
 Здравицу за здравицей пьютъ,  
 Барановъ жареныхъ ѣдятъ...  
 И гусли пѣснями гудятъ!

Владыка Данииль.

Какъ сладко, отче, ты пропѣлъ!

Игуменъ Стефанъ.

Когда-то лучше пѣть умѣлъ!..  
 Владыка, сынъ мой дорогой,  
 Не только я, и всякъ другой.  
 Запѣлъ-бы сладко въ эту ночь!...  
 Такъ радостно—стерпѣть не въ мочь!  
 Вино живить меня, и вновь  
 Вскипѣла молодостью кровь!

Владыка Данииль.

Отецъ игуменъ, непонятно—  
 Какъ веселъ ты въ твои года?...  
 Какъ лунъ сѣдая борода—  
 А какъ лицо твое пріятно!..  
 Нѣтъ, видно—милосердый Богъ  
 За доброту тебѣ помогъ!

Игуменъ Стефанъ.

Просѣянъ я чрезъ рѣшето,  
Просѣянъ я и черезъ сито,  
Безъ малаго сто лѣтъ прожито,  
И это испыталъ и то!  
Терпѣль и зной, терпѣль и холодъ,  
И ужъ ничѣмъ не дорожу!...  
Прости мнѣ, сынъ мой, что скажу—  
Какъ ты неопытенъ и молодъ!...  
Нѣтъ слова, выраженья нѣтъ,  
Чтобъ объяснить и рассказать,  
Какъ эта жизнь и этотъ свѣтъ,  
Насъ любятъ мучить и терзать!...  
Воюетъ съ вѣтромъ тишина,  
Воюетъ съ берегомъ волна,  
Воюетъ съ облаками громъ,  
Воюетъ вѣчно зло съ добромъ!  
Воюютъ души съ тѣлесами,  
Воюютъ солнца свѣтъ и тьма,  
Воюютъ лѣто и зима,  
Воюютъ духи съ небесами!  
Воюетъ человѣкъ вездѣ—  
И на землѣ и на водѣ!  
Душа и тѣло межъ собой  
Навѣки скованы борьбой.  
Волна съ волною спорить въ злобѣ,  
О берегъ съ гнѣвомъ бьются обѣ!  
И человѣка человѣкъ,  
Какъ звѣрь, терзаетъ цѣлый вѣкъ!

Владыка Даніиль.

Огонь и доброе вино

Тебя согрѣли!... заодно  
Ты перебралъ весь бѣлый свѣтъ..  
Живи и здравствуй много лѣтъ!

Игуменъ Стефанъ.

А ты сегодня запоздалъ!...  
И гдѣ ты былъ?... ужъ ждалъ я,  
ждалъ!

Не бережешь совсѣмъ себя!  
Боюсь, Владыка, чтобъ тебя  
Обманомъ Турки не убили!  
Пошли скорѣе за Миртиномъ,  
Пускай пришель-бы вмѣстѣ съ сыномъ,  
Чтобъ съ нами ночь здѣсь перебыли.

Владыка Даніиль.

Эхъ, что мнѣ Турки!... ничего!...  
Имъ въ эту ночь не до того!  
А если-бъ и пришли теперь—  
Не струшу!... заложивши дверь,  
Засѣлъ-бы, до утра-бъ стрѣлялъ,  
А ты-бъ насъ пѣсней забавлялъ!

Игуменъ Стефанъ.

Избави Богъ!... Владыка, что ты?...  
Не стало-бы тогда охоты  
Вамъ пѣсни пѣть!... ну, спать пора!  
Къ обѣднѣ надобно съ утра.

(Идутъ спать. Предъ разсвѣтомъ встаютъ,  
и идутъ въ церковь. По окончаніи обѣдни  
возвращаются домой. Одинъ изъ мальчиковъ  
останавливаетъ игумена Стефана у церкви).



## Ученикъ.

Ахъ, дѣдушка!... какъ въ первый  
звонъ

Мы зазвонили на зарѣ,  
Вдругъ, знаешь-ли?—и громъ, и стонъ,  
Послышались мнѣ на горѣ!  
Я поскорѣй бѣжать туда!...  
Мнѣ показалось, что вода  
Въ пещерѣ бьется и шумитъ,  
Такъ нѣтъ-же—поле все гремитъ!...  
Стрѣляютъ!... а гора грохочетъ,  
Какъ будто развалиться хочетъ!...  
Нѣтъ ничего, а шумъ такой  
И на горѣ и надъ рѣкой,  
Какъ будто гдѣ-нибудь дерутся!

## Игумень Стефанъ.

И что за неучъ!... гдѣ берутся  
Такія мысли у тебя?  
Спроси-ка лучше самъ себя—  
Какой сегодня день?... вѣдь, праздникъ!  
Не знаешь развѣ ты, проказникъ,  
Что нынче, съ самага утра,  
Стрѣляетъ, тѣшится народъ—  
Вотъ громъ и отдаетъ гора!  
Смотри-жь, умнѣе будь впередъ!

## Ученикъ.

Нѣтъ, дѣдушка, не такъ совсѣмъ  
Стрѣляютъ въ праздники у насъ!  
Стоялъ я, слушалъ цѣлый часъ—  
И все стрѣляли!... а затѣмъ

Надъ всею Байцей дымъ сгустился,  
Какъ облако, надъ ней спустился!

## Игумень Стефанъ.

Ступай себѣ!... чего присталъ?  
Я толковать съ тобой усталъ!  
То дымъ отъ жертвы къ небесамъ  
Возносится... я знаю самъ!

(Въ полѣ послышался грохотъ ружейной палбы. Владыка сѣлъ на коня, и поскакалъ на выстрѣлы. Замѣтивъ вдали около пяти-сотъ или шестисотъ человѣкъ, Владыка подѣхалъ къ нимъ, и всѣ собрались вокругъ него. Увидѣвъ, что пятеро Мартиновичей, Вукъ Бориловичъ и двое или трое слугъ его забрызганы кровью, Владыка началъ ихъ спрашивать).

## Владыка Данилъ.

Ну что, юнаки удалые!  
Лисицы вы?... иль волки злые?

## Воевода Батричь.

Владыка, что за торжество  
Намъ грѣшнымъ, въ это Рождество!  
И что за радостная вѣсть  
У насъ тебѣ на праздникъ есть!  
Мы—Бориловичъ Вукъ и я,  
Вся Мартиновичей семья—  
Схватились съ Турками вчера.  
Была вечерняя пора,  
И ждать не долго намъ пришлось—  
На помощь много къ намъ сошло!...  
Нахлынули мы, какъ вода!

Какъ грянули—пошла потѣха,  
И что тутъ было!... я успѣха  
Не ждалъ такого никогда!...  
Изъ Турокъ ни одинъ живымъ  
Не спасся, не ушелъ къ своимъ—  
Такъ лоскомъ всѣ и полегли!  
Мы и дома ихъ всѣ сожгли!...  
Щадили тѣхъ лишь, кто, Христу  
Покаявшись, шелъ ко кресту.  
Окончивши въ Цетиньѣ дѣло,  
Мы въ Чѣкличи пошли ужъ смѣло;  
Да разузнали Турки все,  
И вышло тамъ ни то, ни се!...  
Ушли, немного ихъ осталось!  
Ну что-жь?... и тѣхъ не обдѣлили—  
Зарѣзали!... имъ всѣмъ досталось!  
Мечеть сожгли!... муллу убили!  
Чтобъ погань эта не могла  
Воскреснуть—все сожгли до тла!

Владыка Данииль.

Благословеніе небесъ  
На васъ, юнаки!... о свобода!...  
Святая вѣра!... честь народа!...  
Теперь изъ гроба Сербъ воскресъ!  
(Владыка сходитъ съ коня, обнимаетъ и  
цѣлуетъ юнаковъ, начавшихъ битву съ Тур-  
ками. Всѣ пошли по полю, расшѣвая и  
стрѣляя изъ ружей. Приходятъ къ церкви,  
гдѣ ихъ встрѣчаетъ игумень Стефанъ со  
святымъ потиромъ въ рукахъ.)

Игумень Стефанъ.

Не вижу васъ, но слышу всѣхъ!...

Я на себя беру вашъ грѣхъ!...  
Я, недостойный, васъ прощаю,  
И безъ говѣнья приобщаю!

(Приступаютъ къ приобщенію всѣ тѣ, ко-  
торые ничего еще не ѣли въ этотъ день.  
Послѣ приобщенія Владыка Данииль уходитъ  
къ себѣ въ домъ, взявши съ собой пяте-  
рыхъ Мартиновичей, Вука Бориловича и  
трехъ своихъ слугъ. По уходѣ Владыки  
затѣялся ширь: жарять мясо, молодежь за-  
нялась играми, коло поеть).

К о л о.

Покрылось солнце тучей черной,  
Упалъ туманъ съ вершины горной,  
Густая тьма слѣпила насъ,  
На алтарѣ огонь погасъ!  
Потухла свѣтлая лампада!...  
Утѣха наша и услада—  
Разбились гусли!... и во прахъ  
Свобода пала на горахъ!...  
Въ пещеру вила улетѣла!  
Насъ язва задушить хотѣла!  
И вдругъ изъ темныхъ, мрачныхъ  
тучъ  
Насъ озарилъ блестящій лучъ!  
Господь молитвѣ нашей внялъ—  
Крестъ солнцемъ снова засіялъ!  
Онъ въ небѣ радугой блистаетъ,  
На подвигъ жизни подкрѣпляя;  
Усоншихъ предковъ сонмъ летаетъ,  
Молясь и насъ благословляя!  
Воскресните отцы и дѣды!

Благословите радость нашу!  
 Мы освятили память вашу—  
 Богъ удостоилъ насъ побѣды!  
 То не орлы кружась слетались  
 Изъ поднебесья на молитву—  
 То Мартиновичи на битву  
 Съ врагами, какъ одинъ, кидались!  
 За ними оба Новака,  
 И Вукъ, и Пима барьяктарь <sup>73)</sup>,  
 Смертельный нанесли ударъ!  
 Неотразима ихъ рука!

(Выходитъ игумень Стефанъ; вслѣдъ за нимъ двое момковъ несутъ и ставятъ, посреди гумна, столъ, на которомъ приготовлено до двадцати окъ отваренной пшеницы для кутьи. Народъ съ удивленіемъ собирается вокругъ стола, а игумень говоритъ народу).

Игумень Стефанъ.

Юнаки, слушайте меня!  
 Святое коливо предъ вами!  
 Хочу, для нынѣшняго дня,  
 Усопшихъ витязей слезами,  
 Молитвой къ Богу помянуть!  
 Въ заоблачной Небесной сѣни  
 Возликовали предковъ тѣни —  
 Отраднo имъ на насъ взглянуть!  
 Снимите капы!

(Всѣ обнажаютъ головы.)

<sup>73)</sup> Барьяктарь—знаменоносецъ.

Великій Боже, Милосердый,  
 Вселенной Царь, Творецъ міровъ,  
 Услыши вопль къ Тебѣ усердный,  
 И помяни Твоихъ рабовъ!  
 И незабвеннаго Душана,  
 Семью Юговичей, Милоша,  
 И Черноевича Ивана,  
 И Скандербега и Уроша!  
 Страхиныча, еще Милана—  
 Цмильяныча и Новака—  
 Да будетъ память ихъ легка!...  
 Еще Момчила воеводу  
 И всѣхъ умершихъ за свободу!...  
 И всѣхъ отцовъ и братій нашихъ,  
 Въ борьбѣ съ врагомъ за вѣру павшихъ!

Услыши, Господи, моленья  
 Насъ грѣшныхъ, и въ Твои селенья,  
 Высокою Твоей рукой,  
 Ихъ водвори и упокой!  
 Всещедрый Боже, не отринь  
 Молящихся Тебѣ!... аминь!

(Помянувши коливомъ покойниковъ, и пообѣдавши, всѣ уходятъ домой)

(Новый годъ. Народъ, по окончаніи обѣдни, вышелъ изъ церкви, и садится вокругъ огня; игумень Стефанъ садится вмѣстѣ съ другими, и задумывается о чемъ-то).

Владыка Данилъ.

Что, отче!... захотѣлъ вздремнуть?  
 Иль думаешь о чемъ-нибудь?



Игуменъ Стефанъ.

Хоть и не сплю, а вижу сны!...  
Миѣ странно—почему народъ  
Теперь справляетъ новый годъ?  
Не лучше-ли его съ весны  
Уговориться-бы считать?  
Весной не то, вѣдь, что теперь—  
Все начинается разцвѣтать!  
Тогда и человѣкъ, и звѣрь,  
Деревья, травка полевая—  
Все молодѣетъ, оживая!

Владыка Даниилъ.

А я скажу—не все-ль равно?  
Ужъ такъ заведено давно!

Игуменъ Стефанъ.

Да, правда, сынъ мой—не теперь!...  
Да толку въ этомъ нѣтъ, повѣрь!

(Приходитъ момакъ, кланяется, и цѣлуетъ  
у Владыки руку и у игумена Стефана).

Владыка Даниилъ.

Здорово, момче!... въ добрый часъ!  
Что скажешь?

Момакъ.

На Рѣкѣ <sup>74)</sup> у насъ  
Случилось много важныхъ дѣлъ,  
Святый Владыка, въ эти дни!

<sup>74)</sup> Рѣчская нахія—черногорская область.

Сердарь идти къ тебѣ велѣлъ  
И рассказать!...

Владыка Даниилъ.

Да не тани!

Ну что-жь?...

Момакъ.

Сердарь, какъ услыхалъ,  
Что ваши Турки перебиты—  
Сейчасъ-же онъ къ своимъ послалъ  
Двухъ момковъ и приказъ открытый:  
«Изъ потурченныхъ, кто повадки  
Своей не броситъ—безъ оглядки  
Бѣги, спасайся!... а не то—  
Живъ не останется никто!»  
А Турки момковъ заманили  
Обманомъ въ ободъ и—казнили...  
Повѣсили!... мы хотъ собрали  
Народу много—ничего  
Не вышло послѣ изъ того:  
Всѣ Турки въ Скадръ отъ насъ бѣ-  
жали —

Уплыли всѣ на корабляхъ!  
Одинъ Богданъ лишь въ торопяхъ  
Убилъ ихъ кадія за дерзость.  
Сердарь и самъ сюда-бѣ явился,  
Да въ Ободъ онъ заторопился!...  
Ужъ постарались мы!... всю мерзость,  
Дома, мечеть ихъ, все сожгли!  
И слѣдъ ихъ прахомъ замели!

(Приходитъ вѣстникъ, кланяется, цѣлуетъ  
у Владыки руку, подаетъ ему письмо и уxo-

диль. Владыка Даниль, желая, чтобы изложенное въ письмѣ, услышалъ также игумень Стефанъ, зоветъ мальчика для прочтенія письма).

М а л ь ч и к ъ (читаетъ письмо).

«Дупляне съ княземъ Николаемъ  
«Тебѣ, Владыка, шлютъ привѣтъ!  
«И порадовать тебѣ желаемъ —  
«Въ Цермницѣ больше Турокъ нѣтъ!  
«Убиты всѣ!... того-же дня,  
«Когда въ Цетинѣ шла рѣзня,  
«Мы также съ Турками своими  
«Схватились, чтобъ покончить съ ними,  
«Съ трудомъ добились мы побѣды!  
«У насъ, вѣдь, эти дармоѣды,  
«Всѣ эти десечары <sup>75)</sup>, аги,  
«Какъ мухи, лѣтомъ, развелись!  
«Совсѣмъ заѣли насъ бродяги,  
«Едва и сами мы спаслись!  
«Такъ много въ битвѣ нашихъ пало,  
«Что мѣсть близъ Церкви не достало —  
«Душъ по шести въ одну могилу  
«Убитыхъ клали, и насилу  
«Съ себя проказу эту сняли!  
«Чтобъ вновь явиться не могли;  
«Всѣхъ безъ остатка извели,  
«И крѣпость ихъ съ землей сравняли!»

(Владыка Даниль плачетъ, а игумень Стефанъ смѣется).

<sup>75)</sup> Десечаръ — собиратель десятинной подати.

Владыка Даниль.

Отецъ игумень!... что за смѣхъ?  
Не слышишь, видно?... прежде всѣхъ  
Ты сталъ-бы плакать и вздыхать!

Игумень Стефанъ.

Все слышу!... какъ-же не слыжать!  
Я слышу, что и ты въ слезахъ,  
И что другіе всѣ вздыхаютъ...  
А у меня, вотъ, на глазахъ  
Отъ счастья слезы высыхаютъ!

(Кто-то громко стучитъ и ломится въ двери, какъ будто хочетъ разломать ихъ; всѣ думаютъ, что это сумасшедшій).

Игумень Стефанъ.

Ахъ, Господи!... ломаетъ дверь!  
Пусть хоть безумный, пусть хоть  
звѣрь!...

На радостяхъ теперь для смѣху,  
Пускай взойдетъ къ намъ на потѣху!

(Мальчики отворяютъ двери. Входитъ Вукъ Мандушичъ — огромные черные усы повисли надъ изломанными токами; ружье разломано въ куки, и самъ онъ весь въ крови. Мандушичъ входитъ разсерженный и, никого не привѣтствуя, садится у огня. Всѣ удивляются появленію его въ такомъ видѣ).

Владыка Даниль.

Чего ты такъ ломился въ дверь?  
Ружье и токи всѣ въ кусахъ!...  
Кровь на лицѣ и на рукахъ!...  
Чуть дышешь и сердить, какъ звѣрь!

В у к ъ М а н д у ш и ч ъ (*говоритъ,  
все еще сердясь*).

Въ Стефановъ, помню, день какъ разъ  
Приходитъ женщина одна—  
Въ Штитари <sup>76)</sup> за-мужемъ она ---  
Да не о томъ теперь разскажь!...  
Приноситъ радостную вѣсть,  
Что сборщики въ Штитарь идутъ  
За податю—давно ихъ ждуть—  
Юнакамъ, значить, дѣло есть!...  
Ну, ладно!... чтобъ не прозѣвать,  
Я момковъ поспѣшилъ созвать —  
Душъ пятьдесятъ—лихихъ нашель,  
И съ ними Турокъ ждуть пошелъ.  
Идемъ... какъ вдругъ захохотала  
У Прогоновичей <sup>77)</sup> стрѣльба!  
Досадно!... помощь запоздала!  
То сборщиковъ гремитъ пальба!  
Мы поскорѣй туда!... анъ глядь—  
Тамъ диво новое опять!...  
Надъ Радуновой башней, тучей  
Дымъ носится!... пальбы трескучей  
Громъ слышится со всѣхъ сторонъ!...  
И словно карканье воронъ,  
Иль лай собакъ, иль волчій вой —  
Турецкій крикъ наперебой!...  
А Радунъ самъ, съ своей женой,  
Минуты не терялъ одной—  
И въ кучу Турокъ, какъ въ собакъ,

<sup>76)</sup> Штитарь—село.

<sup>77)</sup> Прогоновичи—село.

Не цѣлившись, на выборъ бьетъ!...  
Да ловко такъ!... жена-юнакъ  
Ему все ружья подаетъ!  
Озлились Турки!... не могли  
Его съ женою подстрѣлить,  
Такъ стали кучами валить  
Вкругъ башни сѣно—и зажгли!  
Вотъ чудеса-то!... дымъ, огонь!...  
Жаръ нестерпимый, смрадъ и вонь  
До верху башню окружали,  
А тамъ все то-же продолжали—  
По прежнему на выборъ бьютъ,  
И громкимъ голосомъ поютъ!  
Мы знатно Туркамъ удружили!  
До сотни мертвыхъ положили!  
Чета, ханджарамъ давни волю,  
Погнала ихъ къ Лѣшевополю <sup>78)</sup>,  
Уронъ имъ нанесла жестокий!  
Должно быть, къ схваткѣ я тогда  
Не досмотрѣлъ—испортилъ тови...  
Да это вздоръ!... а вотъ бѣда!...  
Шальная пуля угодила  
Мнѣ въ джефердарь <sup>79)</sup>—въ куски  
разбила!

Проклятая!... вотъ такъ утрата!...  
Вотъ это горе!... лучше-бъ брата,  
Иль сына у меня убили!  
Ужъ лучше-бъ руку раздробили!  
Злодѣи!... сталь я, какъ калѣвка!...

<sup>78)</sup> Лѣшевополе—село.

<sup>79)</sup> Джефердарь—ружье.



Совсѣмъ сгубили человѣка! (*плачетъ*).  
Владыка!... помоги въ бѣдѣ!  
Совсѣмъ меня скрутило горе!...  
Здѣсь починить нельзя нигдѣ—  
Такъ отошли ружье за море!...

В л а д ы к а   Д а н и л ь .

А дай на токи мнѣ взглянуть!  
Смотри, какъ много ихъ сломалось!  
Въ куски разбиты!... видно, въ грудь  
Не мало пуль тебѣ досталось!  
И самъ остался цѣль едва!  
Не плачь, скорѣй глаза утри,  
И Господа благодари,  
Что живъ и здоровъ!... вѣдь голова  
Дороже, чѣмъ ружье—она  
У насъ, вѣдь, на плечахъ одна,  
И дважды люди не родятся!  
Стрѣльба, вѣдь, дѣло глазъ и рукъ,  
А не ружья!... захочетъ Вукъ—  
Ему все ружья пригодятся!

(Владыка выноситъ изъ своей комнаты дже-  
фердаръ, и отдаетъ его Вуку Мандушичу).

*Лукьяновскій.*

---